

**ЕГОР ПЕТРОВИЧ
КОВАЛЕВСКИЙ**

**ПУТЕВЫЕ
ЗАПИСКИ
О СЛАВЯНСКИХ
ЗЕМЛЯХ**

Москва
TS RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К56

Ковалевский, Е. П.

К56 Путевые записки о славянских землях / Е.П. Ковалевский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 148 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-517-00475-8

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещенный гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00475-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ГЛАВА I

Вид на Триест с «Общины». — Внутренняя жизнь города. — Впечатление, оставленное им. — Плавание по Адриатическому морю на пароходе и парусном судне. — Лессино. — Зара в древние, средние и новые времена. — Население и управление Далмации. — Католики и православные. — Расставанье с Зарой наших моряков.

Много раз, в различное время года и дня, при восходе солнца и при закате его, в ту пору, когда мириады звезд кропили своим трепетным блеском усталую землю и когда яркое солнце обливало ее потоком лучей, — много раз подъезжал я к Триесту, после скучного сухопутного переезда от Вены, и всегда, поднявшись на вершину «Общины», останавливался невольно, пораженный чудной картиной города, раскинувшегося у подошвы и на скате горы, и безграничного моря, то тихого и гладкого, как стекло, то бурного и пенящегося у своих берегов, одинаково величаво-

го и прекрасного, особенно когда подъезжаешь с материка и глаз еще не привык к этому зрелищу.

Море так близко и приветливо ластится к городу, небо такое ясное, голубое, итальянское, воздух так легкий и наполнен свежестью садов и воды, что Триест, когда глядишь на него сверху «Общины», представляется самым благодатным, полным мира и счастья городом. Не то, когда въезжаешь в него: вас прежде всего поражает эта суетливая, полная труда и заботы жизнь, которую вы встретите в каждом торговом городе, а Триест — торговый город по преимуществу, и только торговый! Биржа заменяет все интересы; упадок цен на пшеницу или повышение курса волнует его более, чем какое-либо политическое событие, не имеющее влияния на его торговую деятельность; Аллойд — душа города. Я уже сказал, что посещал Триест в различные эпохи; останавливался в его великолепной гостинице, когда она носила с гордостью на своей вывеске могущее в то время имя Меттерниха, и тогда, когда эта вывеска, сбитая и втоптанная в грязь, была заменена другою, с именем «Национальной гостиницы». Но все это было только наружное и частное изменение; это была слабая дань, заплаченная времени и обстоятельствам. В 1848 году, как и прежде, как и после, Триест заботился только о своих торговых интересах; за них страшился он приближения итальянского флота и итальянской революции; ради них он льнул более к правительству Австрии, чем к своей национальности, если только у него есть национальность: Триест — самый космополитический город в Европе.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Впрочем, и в этом, по преимуществу меркантильном городе есть нерв, трепещущий не от одних торговых побуждений, есть чувство, готовое откликнуться не на один биржевой призыв и вздрогнуть не от одного известия о банкротстве какого-либо огромного дома. В Триесте есть часть населения, незначительная числом, но важная по богатству, а следовательно, и по влиянию; время от времени она приходит в большое волнение, образует кружки, перешептывается с таинственным видом, толкует с капитанами и шкиперами кораблей, делает между собой денежные сборы, — это население греков, население славян православного исповедания. При первом известии с Востока, при первой пробудившейся надежде на освобождение своих единоверцев от ига, тяготеющего на них, они готовы пожертвовать своим достоянием, которое с таким трудом нажили, чтобы доставить средства для дела общего. Надо было видеть их энтузиазм в столь памятный для всех, преданных своей вере и своей истории, 1853 год!

Жизнь человеческая слагается под влиянием времени и разных внешних обстоятельств точно так же, как кора земная; по напластованию и числу горных пород можно узнать древность формации и те геологические перевороты, которые сопутствовали ее образованию. Впечатления, оставленные во мне жизнью в Триесте, конечно, более зависели от обстоятельств, окружавших меня, чем от внешней обстановки самого города. Здесь бывал я в пору моей первой молодости, бывал и в последнее время; в то время, когда весь интерес города — после

торговой деятельности, конечно, — ограничивался любовными интригами В. или похождениями танцовщицы Мевуд и когда политические бури, потрясавшие Европу, грозили и самому Триесту; я видел здесь половину поколения, прошедшего мимо меня; богатые торговые дома — обанкротившимися и новые, воздвигшиеся на их развалинах; видел женщин, красотой которых некогда восхищался, покрытых морщинами, и их дочерей в полном расцвете красоты, но ими я уже не восхищался. Правда, случилось еще кинуть на отходивший от пристани пароход свою шинель, чтобы прикрыть ею женские плечи, продрогшие от внезапно налетевшего холодного ветра; но ветер ли был причиной, ослабевшая ли от времени рука, только шинель не достигла парохода и упала в море...

Что оставил в моем воспоминании Триест, кроме чудного вида с «Общины», глубоко врезавшегося в памяти? Во-первых, ту ничем не изгладимую с сердца сцену, когда сотни наших матросов с трех военных судов, застигнутых объявлением войны в Адриатическом море, должны были оставить их и сухим путем отправляться в Россию. Только родину свою могли бы эти люди оставить с таким горем, как свои суда, с которыми расставались навеки... Потом, запах смолы и корабельных снастей, тысячи судов в гавани и сотни полицейских на пристани... Вот, кажется, и все, что осталось в памяти от Триеста! Здесь даже нет обычных в итальянских городах чичероне, которые бы вам показали несколько вросших в землю камней, выдавая их за знаменитые римские раз-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ваины, и вы сами должны отыскать эти местные памятники древности.

Впрочем, и то сказать, Триест более не итальянский город. Итальянцу здесь все чужое — и правительство, и законы, и язык, на котором распоряжаются австрийцы. Еще менее можно назвать Триест городом немецким: здесь ничто не любит немцев, и самое небо, голубое и ясное, небо итальянское, стало чаще хмуриться в последнее время.

Теперь переезды из Триеста морем легки и удобны; но в 1836 году я еще переезжал Адриатическое море на трабакуле — купеческом парусном судне. Невозможно себе представить, каким затруднениям подвергалось тогдашнее плавание, не говоря уже о случайностях всякого морского путешествия на парусном судне. Это несчастное судно не могло свободно пристать ни у одного берега, хотя бы экипажу его нечего было есть: таможенные постановления, а еще более карантинные, были для него неумолимы. Попечительность правительства о благосостоянии здоровья своих подданных всегда находила возможность не допустить или затруднить доступ корабля в свой порт, если он не туда первоначально предназначался, под тем предлогом, что он мог коснуться в море другого судна, шедшего с Востока; это именно сделали и с нами, несмотря на то что у нас на судне оставалось очень мало съестных припасов и еще менее воды, так как мы пробыли в море, по случаю противных ветров, гораздо долее, чем предполагали. Конечно, облегчительные меры и вообще некоторая свобода таможенных и особен-

но карантинных постановлений послужили столько же, сколько и применение паров, к развитию торговли и пароходства в тех громадных размерах, до которых они дошли в наше время. Это, впрочем, было мое последнее плавание на парусном судне. В том же году я возвратился уже на пароходе Ллойда.

Пароходы Ллойда невелики и некрасивы, но довольно удобны; осторожность капитанов, управляющих ими, доведена до излишества, и, сколько мне известно, не было ни одного несчастного случая на этой линии. Капитаны и их экипажи почти исключительно далматийцы или из Бокко ди Каттаро, православного исповедания, и потому немногие русские, которым случилось посещать этот край, пользовались у них особенною заботливостью — разумеется, если не было на пароходе какой-нибудь австрийской власти, которая бы следила за сношениями капитана с иностранцами. Вообще служащие на пароходах Ллойда возбуждают подозрение и недоверчивость правительства.

Пароходы, идущие из Триеста в Каттаро, почти нигде не теряют из виду берегов Далмации, которые чрезвычайно живописны и далеко лучше противоположного низменного и унылого берега Италии. Один Корнеро пугает мореходцев. Это залив, заканчивающий плодородную Истрию и служащий началом скалистой Далмации. Он окружен высокими горами Мажоре, которые сливаются с цепью Велебича, имеющего 5439 футов высоты. Постоянно сильные ветры, нередко превращающиеся в бурю, господствуют в Корнеро, который

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

вполне оправдывает свое название (Cote negro — черное сердце). К счастью, переезд через него не более двух часов на пароходе.

В первый раз пароход останавливается в Лессино, но только на полчаса. Это небольшой городок, тысячи в две с половиною жителей, но очень богатый. Многие из его жителей имеют по несколько своих судов.

Затем часу в четвертом вечера на другой день, т. е. часов через сорок восемь по выходе из Триеста, приезжают в Зару, где ночуют, и часу в сороковом уже отправляются далее.

Зара — главный город Далмации, Рагузы и Бокюди-Каттаро, местопребывание генерал-губернатора и средоточие управления этих провинций. Город в живописном местоположении; залив как-то особенно приветливо обгибает его и служит отличною гаванью; за ним возвышаются амфитеатром гряды гор; на противоположной стороне загородные дома, разбросанные деревья, которые в марте месяце уже покрываются цветами; вообще здесь не знают зимы с ее снегом и холодом. Но если хотите сохранить добрую память о Заре, то не входите в нее: здесь уже отзывается Востоком! Все свидетельствует вам о некотором значении и богатстве города в древние и даже Средние века и ничтожестве, грязи и бедности настоящего времени. Зара, известный в древности под именем Ядера и потом Диодра, был главным городом Либурии, которая простиралась от реки Теда-ниуса до Тициума, нынешних Цермагне и Керки. Город еще носит следы владычества Рима, но их уже надо оты-

скивать; древние остатки заделаны в средневековые и даже новые здания; иные собраны в частных коллекциях; наконец, несколько древних обломков вросло в землю и заглохло в траве. Одно здание уцелело: это, по словам Фарлата (*Illyricum sacrum* ч. 5, стр. 3), древний храм Юноны, но он до того застроен новыми зданиями, обезображен и завален разным хламом, что нет возможности составить себе какое-либо о нем понятие.

Зато владычество Венеции отразилось неизгладимо здесь, как и по всему берегу Адриатики, Толстые стены укреплений Зары стоят непоколебимо; это правда, что они поглотили много камней из древних римских зданий; но зато обратите внимание на главные городские ворота на восточной стороне: это рисунок Сан-Микели, приведенный в исполнение его учеником и племянником Жироламо, если не ошибаюсь. Соборная церковь построена в XIII веке знаменитым Дондолой — по взятии Зары соединенными силами Венеции и Франции. К сожалению, Венеция повсюду оставила, рядом с следами своего могущества, богатства и силы, свидетельства своей тирании. В Заре на *piazza delle erbe* возвышается еще и теперь колонна коринфского ордена с кольцом для цепей и иссеченным на ней крестом: к этой колонне приковывались обвиненные, выставляемые на позор, прежде совершения над ними казни. Некоторые говорят, что колонна служила местом убежища для преступников; кто достигал ее и успевал стать под крест, тот считался неприкосновенным под сенью его; но, как известно, местами подобных убежищ служили только паперти извест-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ных церквей в Средние века; кроме того, висевшая на столбе цепь свидетельствует явно о его назначении.

Замечательнее всего в Заре — это картина, находящаяся в монастырской церкви Св. Марии, налево от входа: по словам одних, она работы Тициана, по словам других — Тинторетто. Чьей бы, впрочем, кисти ни была картина, но она произвела на меня такое глубокое впечатление, какого я давно не испытывал. Лицо Богоматери, проникнутое тихой грустью, самоотвержением и преданностью своей судьбе, — это соединение неба и земли, человечества и божества, плоти и духа, — до того прекрасно, многозначительно и истинно, что вы не можете отвести от него глаз, оторвать мысли, пока наконец усталая голова невольно опускается. Церковь очень стара: она построена еще в XI веке и потом частью возобновлена.

Обратимся, наконец, от города древнего и средневекового к городу настоящему, от величавой римской тоги и роскошных бархатных плащей к белым, плотно обтягивающим тело мундирам австрийских офицеров и солдат и лохмотьям нищих, которые на далматийском берегу, кажется, составляют господствующее население. Каких нищих здесь нет? Представители уродства, калечества и безобразия всего света, кажется, назначили себе местом сходки и свидания берега Далмации, столь живописные, но вместе с тем покрытые голыми скалами, которые и в пору лучших урожаев не могут прокормить половину своего населения. Правда, далматийский берег представляет превосходные порты,

между тем как противоположный берег, адриатико-итальянский, почти вовсе не имеет их; но что возить и что вывозить отсюда? Далматийцы — лучшие моряки, и это единственный источник благосостояния многих из них, которые, начавши свою жизнь простыми матросами, потом становились капитанами чужих кораблей и наконец заводили и свою собственную трабакулу. В Заре не более 6000 жителей, если не считать военных, которых число в последнее время очень увеличилось, по случаю сомнительных пограничных дел и беспокойного состояния Черногории.

Странные были отношения мои к здешнему генерал-губернатору. Надо заметить, что Мамула единственный человек в Австрии, который, исповедуя православную веру, достиг этого важного звания. К такому необыкновенному явлению, конечно, много способствовали самые обстоятельства, как то: желание угодить славянам Бокко-ди-Каттаро и прочее... Зато правительство австрийское зорко сторожит малейшее действие генерал-губернатора Мамулы, окружив его своей недоверчивостью и подозрительностью. А так как отношения мои к правительству были неодинаковы, то и генералу Мамуле приходилось менять обращение со мной, что не легко было сделать: сошедшись в благую для двух правительств минуту, мы довольно сблизились, чтобы потом, без всякого ущерба для своей совести, вдруг изменять отношения свои один к другому. Притом же Мамула, что бы ни говорили о его двуличности, в душе своей человек прямой и честный; но поставленный между своими еди-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

новерными соплеменниками и правительством, стремящимся к единству своей господствующей религии, господствующего языка и закона, он, конечно, находится в самом затруднительном положении, и надо удивляться, как он еще так долго сохранил свой пост; правда, он приобрел некоторое доверие правительства ценою своей популярности в народе.

Я очень хорошо понимал это положение Мамулы, и потому, смотря по обстоятельствам, иногда оставался в Заре на три дня, до следующего парохода, и присутствовал на обедах и вечерах, в другой раз ограничивался кратким официальным визитом к генерал-губернатору.

В Заре мы часто посещали театр, конечно итальянский, видели примадонну, от которой в восторге все Далматийское Поморье. Когда я приехал в Каттаро, одним из первых слов начальника округа было, как я нахожу Зизини (кажется, так ее звали), не правда ли, что превосходна? Радуйтесь же, мы будем ею наслаждаться в течение всей зимы; правда, это нам и стоило денег, — представьте, ей дали по два флорина за вечера и 500 фл. за сезон! — Зизини имеет грубый венецианский выговор, и когда играет в трагедии, то, кажется, так и лезет с кулаками в партер; это однако не мешает восхищаться ею зарской публике, в которой есть также свои театралы: видно, уже так на свете водится — от Пекина до отдаленного уголка Далмации. Здесь, как и в каждом городе Далмации, есть общественная зала, где даются зимою балы, есть гулянье — маленький, но красивый садик, — есть военная музыка по воскресеньям и четвергам про-

тив дома генерал-губернатора. Было время, что пароход, на котором я приезжал, встречался этой музыкой.

В Заре живет епископ, который заведывает Православною церковью во всей Далмации и Истрии; нынче епископом Княжевич, человек молодой и образованный. Не станем обвинять его, что он так мало сделал для своей паствы. Положение его не менее затруднительно, как и самого генерала Мамулы. Впрочем, несмотря ни на какие отношения, он принимал меня довольно радушно, хотя далеко не так, как принимали меня бедные священники нищенских деревенских церквей. Православная наша церковь весьма стара, она построена еще в XV веке, возле дома епископа. Тут существовало некогда большое глаголитское училище, в котором нынче помещается католическая школа; училище для детей православного исповедания находится в бедном состоянии,

Во всей Далмации 417 188 жителей, из которых 80 000 православного исповедания. Они разделены на четыре округа. В Зарской округе 106 044 католиков, 728 униатов, 45 130 православных и 15 человек разного исповедания. Католики имеют шесть епископов, управляемых архиепископом, который живет также в Заре.

Власть духовенства католического восстает все грознее и самовластнее в австрийских владениях, и чем далее от столицы, чем более в соприкосновении с другими исповеданиями, тем она неумолимее, мрачнее, окружена интригой и насилием. Завладев образованием, частью прежних своих имуществ и совестью, иезуиты начинают презирать гражданскую власть и образуют свое государ-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ство, Status in Stati. Одна тайная полиция австрийская, облеченная, впрочем, в свою особую форму, еще не склоняет своей главы перед этой властью.

Спрашивается: может ли при этих условиях действовать свободно и разумно генерал-губернатор, еще православного исповедания и славянского происхождения?

Если хотите унести из Зары более приятные впечатления, взойдите на старинную башню, находящуюся возле дома генерал-губернатора: к сожалению, для этого нужно «разрешение правительства», хотя в башне ровно нет ничего, кроме голых стен, но не всякому позволено видеть город как на ладони. Как бы то ни было, но я советую вам зайти к адъютанту генерал-губернатора и добыть от него это разрешение — вы вполне будете вознаграждены за свои хлопоты. С вершины башни открывается вся окрестная сторона: ваши взоры переходят от мысли тесного города и зеркальной поверхности вод, окружающих его, на зелень холмов и купы деревьев; одиноко раскинутые между ними красивые загородные дома, наконец, заслоняются на востоке грядою гор, на вершинах которых блестит, освещенный последними лучами заходящего солнца, новый слой снега. Особенно красиво выказывались из яркой зелени деревьев дома албанцев, перешедших сюда лет восемьдесят из окрестностей Антивари и сохранивших теперь еще свои нравы и одежду. Было воскресенье, когда я посещал башню, и живописные группы этих албанцев смешивались с толпами гуляющих около деревни горожан. Пристань, у которой стояли пароходы и фрегат с развевающимся русским фла-

гом, была усыпана народом. Возвращаясь на пароход, мы узнали причину такого притока народа не только из города, но и из окрестных деревень. На другой день, рано утром, должен был отправиться экипаж нашего фрегата, и добрые далматийцы — единоверцы, свыкшиеся с русскими матросами, — пришли проститься с ними. Этот фрегат отделился от двух русских бригов на том основании, что три военных суда одной державы не могли оставаться в австрийской гавани, хотя в мирное время они стояли вместе на рейде Триеста. На пристани происходили самые трогательные сцены. «Смотри же, земляк, скажи куму, чтобы берег моего крестника, да непременно отписал бы мне в Николаев, когда у него зубы начнут прорезываться, — гостинец пришлю», — говорил один матрос, обнимая какого-то плечистого далматийца. Другой менялся крестом со своим приятелем на вечное побратимство; третий допивал бутылку крепкой туземной водки с «земляками». Были сцены более сердечных излияний: в отдалении, в тени, образуемой изгибом городской стены, матрос с жаром доказывал какие-то горькие истины бедной рыдающей подруге своей, которую покидал навеки; он говорил ей, вероятно, и о долге службы, и об обязанностях своих к отечеству, и, может быть, о том, что не перестанет любить ее и в отсутствии, и о многих других прекрасных вещах, которые говорятся в этом случае и которым, увы, еще иногда верят в минуту расставания.

Матросы и далматийцы совершенно понимали друг друга после краткого пребывания первых в Заре. Друж-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ба между ними возникла скоро, со свойственным всем славянам увлечением, а общая Церковь заключила их единокровный союз.

На другой день, рано поутру, я простился с офицерами и экипажем нашего фрегата. Из них немногих уже я застал в Севастополе, и храбрый командир фрегата, Тирольд, пал один из первых на стенах осажденного города.

ГЛАВА II

Воспоминание. — Ряды пустынных островов. — Себенико, его нищета, нечистота и предательская мостовая; посещение австрийского офицера. — Буря на море; гряда подводных камней «Планка». — Спалатро: древний город с его дворцами и храмами; соседственные с ним развалины Салоны и Классы; Спалатро настоящего времени.

Часто обстоятельства неважные, картина природы, мимо которой вы бы прошли в другое время, не заметив ее, раздавшийся в горах рожок пастуха или где-нибудь вдали звон колокола, призывающий к молитве, сильно действуют на душу, уже подготовленную к потрясению. Никогда не забуду я, какое впечатление произвела на меня однажды простая сербская песня, которую я слышал уже прежде несколько раз с едва заметным участием. Это было в начале военных событий, потрясших большую часть Европы. Я посетил давно знакомого мне деревенского священника, находившегося в нескольких часах от Зары. Старик очень обрадовался мне и где-то достал гусяра, что было не так

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

легко сделать, как в Бокко-ди-Каттаро или Черногории. Гусляр пел про битву на Косовом поле, про то, как пали царь Лазарь и славные витязи его, как погибло царство Сербское от измены неверы (изменника) и проклятого Вука Бранковича и от несогласия некоторых славян. Песня переходила мало-помалу от тона воинственного, от звука брани и ненависти враждующих к тону грустному, задушевному, когда покинутые дома жены и дочери узнали о последствиях Косова побоища. Вот что говорится в песне о жене Юг-Богдана, старца, героя Сербии, с девятью сыновьями своими, павшими за веру и родину в этой роковой битве.

Молилась она Богу, чтоб дал ей очи соколины, крылья лебедины, и Бог сделал по молитве ее, и полетела она на место боя, на Косово поле; но что увидела она? Девять мертвых сыновей, десятого простертого старика мужа, девять коней, ходящих по воле, и над ними девять соколов уже вьются, девять хищных зверей поджидают добычи. «Старая мать сдержала свое сердце и слезы не проронила». Вот воротилась она домой; снохи кинулись к ней, как кукушки горько куковали, рыдали дети их сироты: «Старая мать сдержала свое сердце и слезы не проронила». Слышит она, как ржет конь любимый одного из сыновей, сына любимого Демьяна, и хочет забыть она, отчего ржет Зеленко; не голоден ли он, напоен ли он? — спрашивает старуха. Нет, говорит вдова Демьяна, конь ржет и тоскует, что не вынес своего господина из боя! «А и тут старая мать скрепилась, сдержала свое сердце и слезы не проронила». Но вот на рассвете

видит она: по поднебесью два врана-гайворона летают, крылья по плечи в крови, клюв белой пеной покрыт; и несут они руку мощную, юнацкую, на руке перстень золотой, и уронили враны-гайвороны руку на грудь матери. Смотрит мать на руку, смотрит на кольцо, и все еще не хочется ей верить истине, и зовет она жену Демьяна: посмотри, сноха моя милая, чья это рука? Может, ты узнаешь. «Как не узнать, моя дорогая, перстень этот был со мною на венчанье; то перстень моего Демьяна, то рука его, моего сердечного». И берет старуха снова руку, грустно смотрит на нее и тихонько приговаривает: «Ты, рука моя, ты, ветка зеленая старой яблони, где ты выросла, расцвела, где ты сломлена! А росла ты на груди моей, а срублена на Косовом поле». И не вынесла старуха мать этого нового испытания, и упала бездыханная, и отошла за своими девятью Юговичами, за десятым стариком своим Югом-Богданом.

Отчего же именно в ту минуту так резко поразило меня сравнение старухи матери с старою землею южных славян: крепилась она долго, перенесла многие испытания, не проронив ни одной слезы, то тая в сердце темную надежду, то снедаемая жаждой мести, — неужели же наступало то время, югда бездыханным трупом должна была упасть она!.. По другому варианту сербской песни, старуха Юга-Богдана «не выдержала, горько взрыдала и стала молиться Богу». Мы принимаем этот вариант песни, более близкий к духу народному, нелегко предающемуся безнадежному отчаянию.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Вскоре миновали мы Зарувекию, славную во времена римлян и известную при славянском владычестве, — ныне это небольшое местечко в 500 человек жителей. Отсюда до Себенико мы переходили из одного канала в другой. Ближе к Себенико группы островов до того стеснились, что надо большую опытность мореходцам, чтобы не запутаться между ними и не наткнуться на подводные камни. Пароходы пригоняют так, чтобы пройти засветло этим каналом. Острова дики и пустынные. Только пастухи переходят сюда иногда летом; не знаю, однако, что делают они здесь со своим скотом, потому что на островах, кроме одних камней, ничего не видно. В старые времена они служили убежищем беглецам и ускокам всех стран, промышлявших здесь по преимуществу морскими разбоями во время богатства и неурядицы окружных республик. Нередко эти пираты сглаживали выдававшиеся во время отлива с поверхности моря камни, и введенные в обман моряки попадали на них и делались добычей хищников. Нынче совершенное обеднение края выжило их голодом из этого убежища.

Острова Адриатики, почти без исключения, примыкают к далматийскому, а не итальянскому берегу, а потому большею частью разделяли участь первой, переходя из рук в руки, и еще в начале нашего века обгорялись кровью; остатки многих укреплений, из которых, как увидим далее, некоторые возобновлены и увеличены в грозном виде, свидетельствуют, что они нелегко сдавались.

Менее чем на полпути до Себенико открывается весьма живописно вдали на твердой земле Врана, которая служила в продолжение двух с лишком веков местопребыванием тамплиеров; теперь это ничтожный городок Далмации.

Себенико представляет превосходный порт, хорошо защищенный крепостью Св. Николая, которая словно вышла из воды у самого входа в гавань и заслонила ее собою. Крепость, построенная венецианцами, подобно прочим укреплениям Адриатики, поддерживается в исправности австрийцами. Это единственный остаток средневековых республик, сохраненный нынешним правительством. Самый город лениво и неуклюже взбирается от моря на дикие каменистые горы Далмации. Дома, заключенные в узких, грязных и смрадных переулках и испещренные всяким тряпьем, вывешенным из окон и дверей, слятся приподняться один из-за другого, чтобы взглянуть хотя своей верхушкой на свет Божий и разгульное море, которое хлещет волнами у его подошвы. Под стать этим домам теснятся на улицах нищие, оборванные и изуродованные, и разного рода подозрительные физиономии мужеского и женского пола, предлагающие вам все, не дающие покоя и не отстающие от вас ни на шаг. Неудивительно, впрочем, что здесь так много нищих-калек: в городе нельзя сделать несколько шагов, чтобы не упасть, а иногда и не оборваться вниз. Улицы вымощены большими, выглаженными временем глыбами камней, по которым во время дождя и после него

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

(а зимою здесь постоянные дожди) вы скользите, как по голому льду.

Долго буду я помнить, как однажды, в глухую и бурную ночь, я подымался на самый верх города. Желая избегнуть паровой качки, которая, несмотря на приятную гавань, все-таки была довольно чувствительна, я решился было ночевать в гостинице. «Пилигрим» считается лучшею гостиницею во всей Далмации, хотя, в сущности, это весьма мало говорит в ее пользу; она только на половине городского ската, и я надеялся легко туда добраться. Но на беду мою, австрийский офицер, добрый и приветливый, как была большая часть австрийских офицеров в отношении ко мне, настоял, чтобы я ночевал у него, говоря с гордостью, что у него есть железная печка, не помню, от кого ему доставшаяся. Это предмет роскоши, почти неслыханный в Далмации, где дома сквозят и ни одна дверь, ни одно окно не притворяются плотно.

На дворе было сыро и холодно, и печка соблазнила меня. Мы отправились. Офицер с каким-то оборванцем, местным чичероне, несшим фонарь, шел вперед; я назад, опираясь на двух других оборванцев. Было очень темно; я поминутно скользил или спотыкался, то на лестнице, внезапно очутившейся под ногою, то о камень, торчавший среди дороги. Офицер ободрял меня, уверяя, что камень очень замечателен и принадлежит почтенной древности Рима, и обольщая надеждою на скорое окончание пути; но путь казался все длиннее и длиннее по мере того, как мы шли. Двое оборванцев — я это ясно

чувствовал и молчал — шарили по моим карманам и вслух заводили спор по случаю дележа моей собственности, полагая, конечно, что я не понимаю их наречия. Так иногда два доктора у постели больного произносят смертный ему приговор на своем мертвом латинском языке, в совершенной уверенности, что их не понимают. Я уже едва передвигал ноги, и если бы мои вожатые сняли с меня сюртук, и тогда не стал бы сопротивляться. Наконец-то отозвались в ушах моих столь давно ожидаемые мною слова австрийского офицера, повторенные торжественно тремя оборванцами: «Ну вот мы и пришли!» Мы точно пришли к дому; но подняться в него был труд, не менее важный, как и достигнуть его. Я часто поднимался по веревочным лестницам шахт, но, право, не могу надивиться, как я мог взобраться в квартиру моего приятеля по лестнице, на которой местами не доставало ступеней, местами они дрожали и изгибались под ногами, как живые; по лестнице крутой, без перил, при тусклом свете фонаря, который то и дело исчезал за ее изгибами и поворотами, и взобраться до третьего этажа!.. Зато, когда мы очутились в комнате, радушие и гостеприимство ее хозяина вполне вознаградили меня за предпринятый труд; услужливый денщик его, беспрестанно понуждаемый своим офицером, до того накалил печь, что мы наконец принуждены были открыть окно, прежде чем улеглись спать.

На другой день, рано утром, радушный хозяин принялся сам за непривычный для него и вовсе не известный

его денщику труд приготовления чаю по русскому обычаю, которым все мы остались очень довольны.

Пароход давно дымился и свистал, когда я ступал на него с неприятным чувством ожидания сильной качки и всех ее последствий. Прежде, однако, чем оставить Себенико, укажем на замечательный по архитектуре собор, построенный венгерцами в XV веке. Для любознательного путешественника нелишним будет съездить также посмотреть водопад Керка, за три часа езды отстоящий от Себенико. Масса воды его невелика, но роскошь окружающей растительности и дикость природы невольно поразят вас. Во время летних рейсов парохода эту поездку легко сделать, отправившись немедленно по приходе его до ночи.

Ветер усиливался по мере того, как мы выходили из канала в открытое море. С ревом, порывисто налетал он на наш пароход, метал его с волны на волну или погонял на него целую массу воды, которая обдавала всю палубу; пароход извивался и стонал, словно в предсмертных муках; резкий дождь с градом хлестал матросов, суетившихся около снастей, увязывавших два орудия и другие тяжести, которые качало и било об остов корабля, и без того коробившийся, как лучина, под гнетом и бичеванием волн. В каютах воздух был невыносимый. Я приказал привязать себя на палубе к чему-то неподвижному и сидел промокший и продрогший до костей. Я не страдал тем, что собственно называется морской болезнью; но стеснение в груди, дурнота и кружение головы не оставляли меня ни на минуту. Предо мною был совершенный

хаос. Тучи носились над самым морем и сливались с вершинами громадных волн, таких же темных, таких же грозных, как и небо; пароход подымался высоко, казалось, выше туч, летавших на горизонте, и опускался в глубь. Люди, снасти, изредка шныряющие морские птицы мелькали пред мною неопределенно, так что я не мог отдать себе отчета, в воображении ли все это творилось или в действительности; порою что-то живое, оборвавшись сверху, проносилось по палубе, иногда задевало меня, но боли от ушиба в ту пору я не чувствовал, может быть, потому, что все тело болело, ныло. Среди тумана, массы воды, лившейся сверху и вздымавшейся снизу — среди всего этого хаоса, — виднелся крест на море, который, казалось, то приближался к нам, то терялся под водою: это была «Планка» — место, грозное для мореходов во время бури. Планка — гряда подводных камней, между которыми не весьма широкий проход. Крест, который виднелся перед нами, поставлен был капитаном одного чудом спасшегося судна; оно, гонимое ветром и волнами, несло прямо на подводный камень, и никакой руль не в силах был направить путь, и никакие силы — сдержать бег его; вдруг те же воды, которые несли его, массою воды и своею силою перебросили через гребень подводных камней, и судно невредимо очутилось за ними; бывшие на нем моряки, уже приготовлявшиеся к неизбежной смерти, очнулись как бы вновь призванные к жизни.

Часа два продолжалась страшная борьба стихии с волею человека, силившегося побороть и обуздать стихию. Пароход не раз судорожно изгибался, сдавленный двумя

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

волнами; машина, казалось, готова была лопнуть, работая всею силою своих паров; но человек преодолел, и наш пароход прошел счастливо «Планку», вскоре вошел в канал, образуемый островами, прилегающими к Спалатро, и мерным ходом продолжал свой победоносный путь.

Из кают, словно тени из подземельных жилищ, выходили пассажиры, бледные, испытые, шатающиеся.

Солнце западало. На горизонте проглянула светлая полоса неба, на котором ярко вырезались очертания гор. Спалатро представлялся в каком-то таинственном полусвете, с золотистыми отблесками вершины домов, освещенных последними лучами солнца. Дворец императора Диоклетиана — увы, обезображенный, застроенный и заслоненный — все еще поражал воспоминанием прежнего величия. Воссоздайте его в своей памяти в том виде, каков он был, что легко сделать по сохранившимся вполне его остаткам и башням с просветами, сквозь которые видны были храмы Юпитера и Эскулапа, великолепные и ныне, — и вы можете себе представить, каков был прежде Спалатро!.. Известно, что император Диоклетиан, после двадцатилетнего блестящего царствования, отказался от престола (в 305 г. по Р.Х.) и провел счастливо и покойно остаток своей жизни, иные говорят — в Диоклее, которой развалины (близь Подгорицы) мы некогда осмотрели в подробности, другие — в Салоне, находящейся в получасе расстояния от Спалатро. Из Салоны через сад открывался вид на этот великолепный дворец, который император отстраивал в течение последних

двенадцати лет своего правления. Дворец составлял почти четырехугольник с площадью посередине, с башнями по углам; южная сторона его, обращенная к гавани, простиралась на 600 футов, а восточная — на 706 футов (The ruins of the emperos Dioclitian et Spalati in Dalmetia By R. Adams etc.). Император помещался в южной части здания; тут же находились и два храма. Наружные стены здания почти всюду сохранились; толщина их 7 футов. Из башен недостает одной, юго-западной; так называемые Золотые врата дворца сохранились очень хорошо. Полторы тысячи лет пронесли над этим величественным памятником, щадя и не задевая его своими разрушительными полетами. Набеги варваров и полчища разноплеменных народов разбивались об его неприступные стены, в которых нередко запиралось целое население Спалатро, как ныне разбиваются волны морские об камни его набережной. Но правительства образованные не пощадили его, надломав, обезобразив и застроив его — для помещения казарм, если не ошибаюсь, и для других потребностей, мне неизвестных, — так что ныне антикварий с трудом может следить за его направлением и отыскивать различные его предназначения. Действительно, его прежний вид должен колоть глаза нынешнему веку и слишком противоречил бы настоящему состоянию Далмации. Надо было уничтожить древний дворец; а если не в силах сдвинуть эти гигантские камни, то изуродовать его, превратив в казармы, как превращено в казармы же чудное здание Кастельмасты!

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

На западной стороне дворца Диоклетианова возвышается храм Юпитера. Он превращен в христианский соборный храм, и необходимые для этого перестройки весьма изменили его и разрушили единство и гармонию этого величественного здания. Купол и колоннада его поражают простотой и изяществом. Еще сохранились наверху изображения подвигов Дианы, что заставляет некоторых предполагать, что храм был посвящен этой богине. Мы не беремся разбирать столь щекотливого для археологов вопроса. Воображаем, как хороша была идущая от храма площадь с великолепной колоннадой вокруг, оканчивающеюся небольшим, но изящным храмом Эскулапа. Колоннада, увы, застроена и вошла в состав стен епископского дома; но храм еще довольно хорошо сохранился. На ступенях Юпитерова храма лежит сфинкс, привезенный сюда впоследствии, и именно в XIV веке. В храме замечателен по совершенству отделки престольный ангел.

Всякий раз, когда только пароход не опаздывал, я отправлялся из Спалатро в Салону: это всего полчаса езды. Окрестности живописны; поля обработаны; купы персиковых и вишневых деревьев, когда они в цвету, и множество полевых цветов наполняют запахом воздух мягкий, легкий и особенно отрадительно действующий на нервы после зеленого взволнованного моря и сильной пароходной качки. Помню, однажды очутился я на этой цветущей и роскошной долине после скорого, дней в десять совершенного переезда из Петербурга, где еще оставил морозы и такие снега, что, казалось, нужно было два тро-

пических лета, чтобы освободить изнемогающую от бремени их землю.

Был вечер. Небо было чисто. Все света обозначились тихими, легкими чертами и красками и незаметно переходили от света к тени; горы как облака виднелись на горизонте и, казалось, висели в воздухе; природа как-то мирно, благотворно действовала на душу; дышалось легко и жилось весело... То было время!.. Но обратимся к Салоне. Когда переезжаешь через небольшую, светлую речку деи Каstellа, впадающую недалеко отсюда в море, перед вами раскидывается огромное пространство, усеянное развалинами зданий, обломками колонн, отдельно стоящими островами стен толстых, повитых зеленью ползущих растений, полей со свежими всходами, виноградников и новых лачуг, сложенных из обломков древних дворцов, на камнях которых еще видны римские надписи. Как-то чудно поражает вас этот мозаиковый пол, который открывает вожатый вам из-под зелени недавно посеянной пшеницы или затейливая капитель цельной колонны, поддерживающей черепичную крышу бедной избы. Земледелец, проводя здесь борозду, то и дело задевает за обломок древней статуи или другой редкости, который потом продает за бесценок весьма немногим путешественникам, случайно сюда занесенным. Лучшее всего сохранились открытый театр с водопроводами и какими-то подземными жилищами, бани и часть городских стен.

Начало основания Салоны неизвестно. Римляне, пришедшие сюда, застали ее значительным городом; лет за 40 до Р.Х. Салона составляла уже одну из значитель-

ных римских колоний по сю сторону Адриатики. При первых императорах появились в ней великолепные храмы и театр; а при Диоклетиане, который, как говорят, тут родился, она достигла высшей степени своей славы и величия. Готы первые наложили на нее руку; но после них она опять поднялась и украсилась. В 639 году пришли авары и окончательно разрушили ее: настали времена тяжелые для Рима, и Салона покинута была на жертву времени и нашествиям других народов.

На утесе, господствующем над этими развалинами, возвышается крепость Класса, которая поддерживается и ныне австрийцами, хотя в ней никак нельзя долго держаться против нынешней артиллерии, которую можно поставить на первой из ближайших гор, возвышающихся над пропастью, и в несколько часов скрыть ее. Венецианцам еще она полезна была для защиты края от турок прежнего времени. Австрийцы содержат в ней гарнизон разве только на случай восстания своих подданных, у которых, кроме земледельческого, нет никакого другого орудия — по крайней мере, в Далмации, где народ доведен до крайней бедности.

Класса служила в древние времена охраною Салоны; и всякий народ, которому подпадала последняя, заботился об укреплении Классы; тем не менее она несколько раз была брата — венгерцами, монголами, венецианцами, турками, ускоками. Когда в начале XIX века французы овладели Далмацией, они не раз принуждены были удаляться в Классу или Спалатро. Следы дороги, построенной римлянами при Тиберии от Салоны до

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

Классы и известной в древности под именем *Via Gabiniana*, еще видны и теперь.

В Салоне, по словам Страбона, была единственная в Далмации корабельная верфь. Протекающая здесь небольшая, некогда знаменитая под именем Ядера речка теперь знаменита только своими форелями.

Грустно возвращаться от развалин древнего великолепного города в новый Спалатро, от цветущих полей — в душные и тесные улицы; но ночь подкралась незаметно, такая же тихая и теплая, как самый вечер, — пора на пароход!

Спалатро еще лучше и чище всех городов Далмации, не исключая и самой Зары. Население его почти все католическое, за исключением евреев, зашедших сюда давно из Испании и простирающихся до 350 человек. От многообразных укреплений города видны только остатки венецианских, построенных в половине XVII века.

ГЛАВА III

Море действует и мыслит. — Лезина и Лисса — оплот Адриатики. Курцола с его лесами; превратности судьбы, которым подвергался остров Марко Поло. — Меледи со свитой островов и своими примечательностями. — Далматийцы вообще и морлаки в особенности.

Всматриваясь в море более и более, нередко приходит мысль, что оно не только живет, но даже чувствует и мыслит. Не оно ли, озлобленное или опечаленное, покидало многие города, как скоро они, погрязши во внутренних раздорах или беспутной роскоши, приходили в упадок? В Пизе, во время ее величия и славы, корабли подходили к городским стенам, а теперь море отошло от нее версты на четыре. И здесь — поглядите, — с каким негодованием оно хлещет и бьется об подошвы Спалатро и с злостью гложет камни его пустынной гавани; а во время бывшей славы его раболепно и тихо носило на раменах своих тысячи кораблей!

Часа через три по выезде из Спалатро пароходы останавливаются у Лезины, известной своими омарами,

различными изделиями из ниток кактусов, которых здесь очень много, и брекчиями: их добывают в горах Гельзи. Лезина хорошо укреплена и служит как бы продолжением укреплений Лиссы, милях в 42 отсюда вдавшейся в море. Лисса составляет как бы ключ Адриатики. Австрийцы вполне постигают важность ее и воздвигают там громадные крепости.

Лезина известна была в древности под именем Фороса, отчего производят и нынешнее его славянское название Гварь. Она также составляла римскую колонию и большую часть разделяла судьбы Далмации. Только на короткое время освободилась было она от чуждой власти и получила самостоятельность, но возрастающее могущество Венеции поглотило ее (в 1424 г.), подобно многим другим небольшим республикам Адриатики.

Недалеко от Лезины большой остров Курцола, покрытый еще и ныне во многих местах превосходными лесами. Он с давних лет доставлял материалы для постройки кораблей различным народам, для которых служил предметом споров и важным обладанием. Большая часть подводной, невидимой Венеции построена из его лесов.

Город Курцола похож издали на готическую башню. Отделяясь от моря толстыми крепостными стенами, он суживается по мере возвышения по довольно обрывистому холму и срезывается наверху, как неоконченные башни Кёльнского собора. На стенах его, подобно как на стенах большей части крепостей Адриатики, еще красуется лев Св. Марка. Лев почтенный, хотя и падший; лев, терзавший нередко своими когтями права человечества, но

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

теми же когтями надорвавший завесу, закрывавшую от Европы Восток, и раздвинувший мир для просвещения и торговли; лев, ознаменовавший себя продолжительной борьбой с турками, грозившими, подобно другим предшествовавшим им диким племенам, пройти огненным потоком по земному шару.

В нынешнем городе не более 2000 жителей; они сохранили за собою древнюю славу отличных кораблестроителей.

Остров Курцола, особенно в начале последнего века, подвергался многим превратностям. Занятый французами, он в 1806 году два раза был отнят у них русскими, при содействии черногорцев, и в последний раз оставался во владении их до Тильзитского мира, по которому был опять уступлен французам. В 1813 году он поддался англичанам и по трактату 1815 года перешел под власть Австрии вместе с остальной Далмацией.

С именем Курцолы соединено еще воспоминание, дорогое для всех, кому судьба судила странствования дальние и трудные. Здесь, во время кровопролитной битвы венецианцев и генуэзцев, в 1298 году был взят в плен знаменитый Марко Поло, и этому плену мы, может быть, обязаны появлением в свет описания его путешествия, принесшего такую огромную пользу ученому и торговому миру, — описания, которое не раз руководило и поддерживало путешественника. Марко Поло, лишенный во время четырехлетнего своего плена возможности действовать, принялся писать; энергическая натура его требовала труда, и он, хотя в воспоминании,

переносился к той полной волнений и борьбы жизни, к которой привык. Могли ли генуэзцы, мог ли тогдашний век, жаждущий приключений, открытый в мире физическом, новых торговых путей, новых богатств, не оценить сочинения Марко Поло? Оно произвело всеобщий восторг, и автор его был отпущен с честью на свободу, которой так жаждал.

Против острова Курцолы находится другой, довольно значительный остров Сабиянчело, хорошо обработанный и довольно населенный, а часах в трех расстояния от него — остров Меледи, известный в древности под именем Мелиты.

Остров этот довольно велик, особенно в длину, горист, бесплоден и малонаселен. С XII века он принадлежал Рагузе, подобно следующей за ним группе островов: Жупа, Меца, Калимота и других. В древности все эти небольшие острова известны были под названием *Elaphites insulae*. Они также малообитаемы и, подобно Курцоле, составляют главное убежище шакалов. Оливковые деревья, тощие и жалкие, еще кое-как растут в ущельях.

Мелита известен в преданиях Католической церкви тем, что апостол Павел будто бы потерпел у берегов его кораблекрушение. Указывают даже место, где он вышел на землю. Еще он знаменит своим подземным гулом (*detonazioni di Meleda*) и частыми землетрясениями.

Мы уже оставили за собою край, который, собственно, составляет Далмацию, потому что Рагуза, так же как и Бокко-ди-Каттаро, хотя в настоящее время и принадлежит по управлению к Далмации, однако отличается от

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

нее и по естественному положению, и духом народа, который еще не забыл, что так недавно составлял отдельную и независимую республику. Тем не менее, однако, мы ничего еще не сказали о самих далматийцах — не потому, чтобы мы забыли о них: конечно, для каждого путешественника человек составляет предмет самый близкий, на который прежде всего устремлено его наблюдение; не потому также, что мы мало знаем его: посещая Далмацию очень часто, проникая во внутрь страны, в ее горы, принимаемые повсюду как гости весьма желанные, конечно, не могли мы не познакомиться с ними коротко, не могли не сдружиться, заранее расположенные к взаимности и дружбе один к другим. Но что можем мы говорить об этом народе, отчужденном, подавленном, покинутом; покинутом — вот именно слово, которое особенно идет к нему.

Я не говорю о Приморье. Владычество Венеции и потом Австрии, поставленных слишком в тесные к нему сношения, успели переработать этот народ. Религия православная почти повсюду заменена католическою или до того извращена, что ее узнать нельзя; самый язык славянский вы редко услышите; господствующий — итальянский, который теперь сиятся заменить немецким. Славянские письма везде, где только можно, заменяются латинскими. Лет двадцать тому назад я еще видел во многих церквах глаголицу; теперь, кажется, остались только два монастыря на островах около Себенико; один, если не ошибаюсь, в Перовиче, где в употреблении глаголица. В православных семинариях помещаются като-

личные училища. Превращение совершается, так сказать, у нас на глазах и входит в нрав и кровь народа на Приморье. Не то внутри земли. Власть венецианская боялась проникать туда, довольствуясь одним номинальным подданством; неохотно посещают горы и нынешние чиновники, еще неохотнее приходят жители из внутри края в города: только нищета или нужда призывают их сюда для работ или на рынки. Дорог почти не существует. Последние обстоятельства вынудили правительство устроить в некоторых местах шоссе для переходов войск и доставки провианта, но они большею частью находятся на побережье и приносят мало пользы для внутренности края. Словом, между народом и правительством нет ничего общего; их взаимная противоположность особенно резко выражается в разбирательстве споров и судопроизводстве, где следователь допрашивает, а судья читает приговор на языке, совершенно непонятном для осужденного, который, в свою очередь, оправдывается словами, непонятными для следователя и судьи. В заключение его спрашивают: доволен ли он решением, которого он не понимает?.. Одно разве сношение, понятное для народа с его правительством, это — взнос податей, которые, скажем мимоходом, при нынешних общих уравнениях в Австрийской империи, весьма тягостны для бедных далматийцев, на долю которых выпали одни голые скалы и — никакой промышленности в крае. Прежде было другое дело: огромные парусные флоты адриатических республик требовали множества рук, а далматийцы, подобно боккездам, отличные матросы. Кроме

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

того, эти республики были богаты, и их богатство разливалось окрест; от далматийцев, и особенно островитян, требовалось спокойствие и, главное, лес, в котором у них не было недостатку. Кроме того, исторически известно, что во времена древние у них было рудное производство, которое теперь не существует. Недаром же римляне называли горы Моссор «Mons aureus».

Еще венецианцы обрабатывали железо в значительном количестве в Далмации и на островах. Старинные каменноугольные копи возобновлены только после открытия пароходства и по настоянию компании Ротшильда, которая взяла их во временное владение. Нельзя не заметить, что горные работы ведутся тут весьма неискусно.

При общем применении австрийского положения ко всем разнородным провинциям империи далматийцы в последнее время обязаны поставлять рекрутов, и это нововведение приводит в отчаяние бедных жителей края, столь чуждых по духу своему и образованию — или, если хотите, дикости — этому порядку вещей. Говорят, это положение будет введено в Бокко-ди-Каттаро; но правительство медлит, может быть, потому, что жители ее еще носят оружие, которое отнять нелегко, разве силою всеобщего растления нравов, мерилom которого будет изменение веры.

Но вы, может быть, скажете: а описание нравов, обычаев, образа жизни, одежды и прочее, чего от путешественника требует читатель? Другие условия, другие и требования. Какой же одежды можно ожидать от лю-

дей, у которых едва есть чем прикрыться! А нравы, обычаи, образ жизни? Это дикие, скажут вам их соседи. Я думаю иначе. При виде их судьбы невольно сжимается сердце и недостает духу распространяться о внешней стороне их. Я часто говорил о славянах Турецкой империи; я еще буду говорить о них: примените все сказанное и к славянам-далматийцам, разумеется, с тем изменением, которое неизбежно должно происходить от образа правления австрийского правительства, и вы будете иметь о них довольно верное и близкое понятие. И здесь то же радушие, то же гостеприимство к своим единоверцам, то же подозрение к иноверцам или чужеплеменцам; и здесь те же отдаленные надежды на будущее... То же трудолюбие, то же терпение и та же вера в Провидение... и та же безмолвная грусть, которая отражается и на лице, и в песнях, и в словах... и даже в молитве!..

Есть, однако, в Далмации тип, на котором нельзя не остановиться, тип, который вы встретите часто в городах, который господствует внутри края. Это тип человека высокого, стройного, с блестящими глазами, карими или черными, с белыми, как слоновая кость, зубами, с темно-каштановыми, иногда черными волосами, прядями висящими назад из-под маленькой круглой шапочки, — человека худого, загорелого, задумчивого и нерешительным шагом бродящего в толпе, в грязной изорванной рубашке с широкими рукавами, с открытой грудью, мощной, покрытой густыми волосами, в верхней одежде вроде жилета, большею частью красного цвета, с рядом блестящих пуговиц, подпоясанного ши-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

роким, красным, шерстяным кушаком, несколько раз обвивающим стан, в опанках, подобных черногорским, вместо всякой обуви, — и эти опанки он еще снимает во время дождя, чтобы их не скоробило. Спросите самого нищего горожанина, что это за человек? — и он с презрением ответит вам: это — это морлак! Рядом с ним вы увидите женщину, также бедно одетую, с огромною ношею дров на спине, из-под которой не видно ни ее сторбленного стана, ни лица, изнуренного работой: это морлачка, издавек принесшая на себе беремья дров, чтобы выручить за них каких-нибудь десяток крейцеров и купить соли, которая составляет уже предмет лакомства в морлацком хозяйстве.

Отчего с таким презрением отзываются в Далмации о морлаках? Отчего самое это слово составляет как бы бранное слово на побережье? Оттого, что морлаки живут почти как звери в горах! Но их ли эта вина? Вы видели морлака, его прекрасную внешность; при самых грубых нравах, при совершенной необразованности, или, правильней, дикости, он все еще сохранил правоту души, которая ни за что не унижится до неправды и которая служит основою великих добродетелей.

Вместо того чтобы безусловно презирать морлаков, ими следовало бы заняться: они вполне заслуживают этого. Число морлаков простирается до 150 000 душ, что составляет более трети населения всей Далмации; из них в настоящее время только одна треть осталась православными, остальные католического исповедания. Невежество их священников выше всякого описания: есть та-

кие, которые не умеют писать; место, где совершается богослужение — и то очень редко, — не имеет и малейшего подобия церкви или даже часовни. Суеверие, можно сказать, заменяет всякую веру у морлаков. Живут они в лачугах, кое-как сложенных из окрестных камней, без печи и без окон, небольшое отверстие вверху и открытая дверь служат для выхода дыму; лавки и столы составляют всю мебель; семья помещается и спит на полу, где, кроме нее, несколько овец и телят, если семья позажиточней. Можно себе вообразить, каково здесь зимой, которая в горах довольно сурова. Благоразумный Франц Петтер восклицает с негодованием: сколько одно семейство морлаков сожжет в течение зимы дров, которые можно бы употребить с пользой! Франц Петтер, вероятно, не заметил, каково этому несчастному морлацкому семейству живется в течение зимы и вынес ли бы он подобное существование!

Прежде, когда морлаки все-таки пользовались некоторыми недостатками, многие из них являлись в города в красивых копаранах, нечто вроде спенсера, а во время дождя в кабаницах, которые носят большею частью моряки, которые советую заметить всем путешествующим в Турции и вообще в странах, где нет удобства переездов. Это очень удобная одежда во время зимних непогод; она из толстого, непромокаемого коричневого или, правильнее, рыжеватого сукна с капюшоном. Одно неудобство их то, что они, вбирая в себя воду, делаются невыносимо тяжелыми после сильного дождя; но верхом это не очень чувствительно. В доме морлаков было своего рода управ-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ление и порядок. Живя отдельными семействами, иногда из двадцати пяти и тридцати человек состоящими, они обыкновенно избирали из себя главу семейства — доматина, который распоряжался самоуправно, назначал работы каждого дня, разбирал ссоры и так далее. Кроме того, назначали доматину, которая занималась домашним хозяйством и распоряжалась женскою половиной семейства. Теперь общая нищета сделала почти ненужным этот обычай: распоряжаться нечем.

Напрасно некоторые из писателей усиливаются придать замысловатое происхождение морлакам; оно объясняется очень просто: по мере расширения круга владычества турок на окраинах его являлись выходцы из различных славянских земель, бежавших от преследований религиозных и тиранства турок; эти новые ускоки являлись заклятыми врагами магометанства. К ним должно отнести и морлаков, которые образовались по преимуществу из сербов и босняков, из которых, может быть, часть бежала в горы Далмации еще после разгрома царства Сербского на Косовом поле, а другая, важнейшая, — в начале XV века. Ими, как заклятыми врагами турок, пользовались соседственные государства, особенно впоследствии Венецианская республика, для защиты своих владений; но этим и ограничивались их взаимные сношения: республика не раз предавала их одним на жертву турок. Вообще эти славянские племена на юге, подобно как русские на севере, служили главным оплотом, сдержавшим турок от общего разлива по всей Европе.

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

Происхождение слова «морлак» довольно трудно объяснить. Вук Караджич толкует по-своему этот темный вопрос. Сербь православного исповедания, говорит он, называют обыкновенно своих римско-католических соплеменников «шокац»; а эти последние называют православных «валах» или «влах». Отсюда слово моревлах, или, наконец, морлах, т. е. влах, живущий у моря. Предоставляю читателю судить, в какой степени удовлетворительна такая этимология.

ГЛАВА IV

Печальное приключение. — Гравоза, гавань Рагузы, ее сады и цветущая долина Омблы. — Затруднительное положение греческих судов в Гравозе и приготовление к взрыву их. — Гулянье между Гравозой и Рагузой. — Нынешняя Рагуза и древняя. Время республики, причины продолжительного существования ее. — Вероисповедание. — Переезд от Рагузы до Бокко-ди-Каттаро сухим путем и морем.

Однажды пришлось мне делать ночью переезд от Меледы до Рагузы; тут всего часа три плавание на пароходе. Я было лег спать; вдруг чувствую толчок, другой, и потом пошла страшная суматоха на палубе; я выскочил из каюты вместе с другими, которые еще не успели уснуть.

— Что случилось?

— Пароход наткнулся на барку, нагруженную плитняком; барка и люди исчезли в воде.

Мигом остановили пароход и спустили лодку с матросами.

Через несколько минут мы увидели всплывшего на поверхности человека; но он едва мелькнул и опять скрылся.. Видно было при лунном свете и ясном небе, что он еще раз приподнял из воды руку, как бы указывая место, где находится, и взывая о помощи; но лодка была далеко и поворотила к другому из погибавших, который еще барахтался в воде, силясь освободиться от тяжести намокшей одежды. Матросы подоспели вовремя и вскоре привезли его на пароход. «Что же вы не спасали другого?» — воскликнуло несколько голосов. «Нечего даром время терять», — отвечали равнодушно матросы, подымая наверх шляпку. «Смотрите, смотрите, там еще плавает один!» — «Этот плавает как рыба: ему не надо шляпку!»

Человек, спасенный матросами, был старик лет шестидесяти, но еще бодрый и здоровый; первое восклицание его было: «Моя барка, моя барка!» — «Пошла ко дну», — отвечали матросы. И несчастный залился слезами: это было все его состояние. Потом он как будто спохватился, и быстро и дико стал проталкиваться вперед. «Где мой сын?» — спросил он трепещущим голосом. Все молчали. Мальчик, который плыл как рыба, в одной рубашке, и вскарабкался на пароход, как кошка, стоял тут, продрогший от холода: это было в марте месяце. Старик кинулся с поднятыми руками на мальчика: «Где сын мой, говори!» Мальчик, привыкший к побоям, стоял равнодушно, выжимая воду из своей рубахи. «Не бей его! — закричал один из матросов. — Сам виноват, зачем спал и не убирался с дороги». Несчастный все понял. Он не

сколько времени стоял, как пораженный громом. «Только и было добра, что барка, только и было помощников, что один сын... Все пропало! Остался как перст один!.. И как стану доживать век?.. И чем питаться?..» Чувство отцовской любви и забота материальная о будущности как-то странно перемешивались в уме его. Сердце сжималось, слушая эти простые, но полные отчаяния слова старика, который еще накануне ложился спать таким покойным и довольным и пробуждение которого было так ужасно.

Мальчик, отогревшийся близ машины, сидел покойно на палубе и грыз какую-то кость, которую ему дал один из матросов. Это было одно из тех жалких существ, которых мне так часто случалось видеть на кораблях. Он был в услужения у всех, начиная от капитана судна до его собаки, которая нередко кидалась на него и грызла для общей потехи. Была ль буря, был ли стиль — на нем вымещали свой гнев и потери все бывшие на корабле; ему одному доставались все пинки и побои, которые не смели дать другому; и где спят эти несчастливцы и чем питаются — никто не мог бы отвечать положительно. Это называется здесь формировать матроса. Не знаю, многие ли в состоянии пройти эту страшную школу испытаний!

На другой день рано утром капитан парохода позвал старика, чтобы вместе с ним идти в Рагузу в какое-то присутствие и сделать показание о вчерашнем происшествии. «Какие тут показания, — произнес печально старик, — барки мне не воротить, и взять с меня нечего,

отпустите лучше в Каттаро, отслужить панихиду по утопленнике: душа его и без того томится без покаяния». Это был православный.

Мы дали несколько денег бедняку и видели потом, как он отправился в сопровождении мальчика, такого же, может быть, бесприютного, как он и сам. Бедные люди!..

В Рагузе, собственно, нет гавани для больших судов: пароходы пристают в Гравозе, откуда более часу пути пешком до города. Обыкновенно, ко времени прихода парохода, выезжает экипаж — нечто вроде крытой коляски, — экипаж единственный во всем городе, столь всем знакомый, со своим кучером Жиовани, он же и хозяин его, и чичероне, и многое другое; но так как пароход часто опаздывает или приходит ранее, то приходится долго ждать столь желанного Жиовани. Впрочем и то сказать, что кому нет дела в городе, то незачем и ездить, особенно летом, когда зной бывает невыносим в его тесных улицах.

Гравоза представляет весьма улыбающийся вид, а долина реки Омблы, впадающей в море у самого залива Гравозы, одна из роскошнейших долин Далмации. По берегам ее, как и в самой Гравозе, из яркой зелени деревьев выглядывают крыши домов, издали весьма приветливых, из которых многие служат летним убежищем для горожан, но чаще видны развалины, остатки разрушения, произведенного во время взятия Гравозы у французов приступом русскими и черногорцами в 1806 году, и беспрестанными землетрясениями, кото-

рые содержат Рагузу и Гравозу в осадном положении и постоянном страхе. Эти развалины никто уже не думает возобновлять, и они будут следовать за нами на всем пути до Бокко-ди-Каттаро, и в самой этой области до Будвы: словно рука разрушения прошла по здешнему краю и наложила зарок запрещения возобновлять разрушенные жилища; кто снимет это запрещение и когда — неизвестно!..

Подымитесь в лодке, которую легко найти в Гравозе, до источников Омблы — и вас поразит исток ее из пещеры, из которой она падает каскадом и течет уже довольно значительную рекою.

Другая замечательность окрестного края — это два или три платана, которым приписывают какое-то баснословное число лет. Они действительно гигантских размеров и едва ли уступят столь известным платанам около Буюк-дере. Они часа за три пути от Рагузы и составляют предмет прогулок для жителей города.

При начале войны западных держав с Россией я был призван сюда по странному случаю (я был тогда часов за десять пути отсюда). Три наших военных судна, о которых мы уже говорили выше, были уступлены греческому правительству, так как суммы, предложенные за них другими, оказались незначительны. Акт был заключен по всей форме в Триесте, при посредстве генерал-губернатора графа Вимпфена, и утвержден до объявления войны. Греция оставалась державою нейтральной и, следовательно, имела полное право привести корабли свои в свои воды. Тем не менее, однако, капитан Пиль на ан-

грийском винтовом пароходе следил за ними, и греческие корабли принуждены были укрыться в австрийской гавани Гравозы. Тут к пароходу Пила присоединились еще один пароход и два парусных суда, и он потребовал от греческого капитана сдачи судов под тем предлогом, что они принадлежали русским. Положение последнего было весьма затруднительно. Австрийское правительство, несмотря на все убеждения, на законность актов, заключенных при посредстве триестинских властей, отзывалось, что оно не может или не обязано их охранять в своей гавани и дает им полную свободу уйти в море; с другой стороны, бой, если бы и решились на него греки, был слишком неравен; надо заметить, что для отправления судов в Грецию набраны были матросы с купеческих судов: греки, но непривыкшие к управлению артиллерией, и только капитаны и несколько человек были королевской морской службы; тем не менее, однако, возбужденные начальником этой небольшой эскадры, они готовы были на все. Греческий капитан, с своей стороны, боялся быть причиною политического столкновения своего правительства с западными державами, тем более что дела его и без того принимали слишком сомнительный вид. После беспрестанных сношений — то с капитаном Пилем, то с австрийским правительством — начальник греческой эскадры решился наконец взорвать ее на воздух, о чем и объявил австрийскому правительству, чтобы оно приняло свои предосторожности, так как гавань не слишком обширна; с тем вместе начал сводить экипажи с судов и готовился к столь неожидан-

ной для всех катастрофе. Гравозцы всполохнулись. Командант крепости прислал сказать, чтобы он отложил приведение в исполнение своего предположения на три дня, в течение которых он надеется получить инструкцию своего правительства. Опять заговорил телеграф с Веной, из которой наконец были получены распоряжения более благоприятные. Решено было: корабли, обезоружив, оставить в австрийской гавани до окончания войны России с западными державами (непонятно, какое отношение имела эта война к Греции), после чего передать их греческому правительству; пушки и порох свезти для хранения в арсенал Рагузы; а экипажи отпустить в Грецию — каким путем и какими средствами, об этом ничего не сказано, хотя для начальника экипажей вопрос этот был очень важен.

Поднявшись от Гравозы, вы всходите на прекрасное шоссе, устроенное еще французами; оно ведет до самой Рагузы и составляет прекрасное гулянье ее обитателей. Море с шумом бьет о подошву и со злостью гложет камни и отдельные утесы, которыми усеяно здесь побережье; во время бури брызги во многих местах долетают до гуляющих, несмотря на высоту дороги.

При входе в город вы уже не видите на стенах его столь знакомого вам окрыленного льва Венеции. Его заменяет изображение св. Власия, или Влахия, в епископской митре с церковью в руке: это патрон Рагузы, еще недавно отдельной республики. Часть мощей святого покровителя города вывезена из Малой Азии и хранится

в здешней соборной церкви. Но где же сам город, этот богатый и славный город?

В нынешней Рагузе едва насчитывают до 6000 жителей, состоящих из чиновников, солдат, мелких торгашей и нищих. Осталась еще часть дворца ректоров Республики, где ныне помещается начальник округа (*capitano del circolo*), что равняется нашему капитану-исправнику или становому; лучше сохранилось здание, где находится таможня; от здания монетного двора, находившегося между этими двумя зданиями и вместе с другими окружавшими великолепную площадь, не осталось и помину. Сохранились красивый фонтан, две церкви; врата одной из церквей принадлежат времени сербского владычества, так же как и крест, на котором, однако, славянские буквы заменены латинскими; еще сохранилось несколько отдельных стен, полуразрушившихся, и обломков, принадлежащих различным временам и народам, поросших кустарником и плющом; несколько великолепных гербов древних венецианских и рагузинских фамилий и несколько представителей их, которые, обремененные летами и долгами, еще гордятся своими княжеским и графским достоинствами и чуждаются прочего простого населения города; они все еще толкуют о прежних ректорах и о славе Республики и о своем утраченном богатстве, как бы жили за пятьдесят лет тому назад, забывают о настоящем порядке вещей и с презрением говорят о местных властях, которые оставляют их в покое, как людей безопасных, впавших в детство. Жиовани, этот настоящий тип Тарталии Жорж

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Санд, подсмеивается над ними и уверяет, что он гораздо знатнее их, потому что ездит в карете, а они ходят пешком. Время построения Рагузы трудно определить. В древние времена это был остров, поросший лесом, что объясняет ее нынешнее местное славянское название — Дубровник (лес, дубрава); и ныне еще два прибрежные островка сохранили лес. На этом острове укрывались беглецы всех народов, которые и положили основание города. Главная улица города проведена над каналами, отделившими остров от твердой земли. По всем вероятностям, Рагуза, собственно так называемая, усилилась по падении Старой Рагузы, часа за полтора отсюда отстоящей. Эта же последняя построена на месте разрушенного в 265 г. Эпидавра и получила значение после переселения сюда жителей разрушенной, в свою очередь, в VII веке Салоны.

Пройдем молчанием время владычества римлян, оставивших едва заметные следы в Рагузе, и бурный период, который перенес через нее много народов, более или менее диких, не оставивших по себе почти никакого следа, и перейдем к тому времени, когда она является самобытной республикой, а именно к 1204 году.

Своим образованием она обязана Венецианской республике, которой многие учреждения, и особенно начала аристократические, она сохранила до последнего времени своего существования.

Жители Рагузы разделялись на три класса: патриции, граждане и купцы; граждане принимали только некоторое участие в правлении.

Глава республики, называвшийся вначале приором, потом графом и, наконец, ректором, избирался на один месяц. Во время своего правления он жил во дворце и показывался народу только в торжественных случаях; у него хранились ключи города. Приор, граф или ректор — словом, глава республики один имел право собирать советы, но он пользовался правом голоса наравне с прочими членами. Большой, или Общей, совет вмещал в себе всех патрициев, которые были не менее сорока восьми лет; этот совет избирал ректоров и сенаторов.

Сенат состоял из сорока пяти членов. Власть его была обширна. Он решал, нужно ль объявить войну, заключить ли мир, назначал посланников в чужие земли и каждые три года комиссаров для обозрения владений республики, издавал законы, определял налоги и проч. Сенат собирался четыре, а впоследствии два раза в неделю, кроме, разумеется, случаев чрезвычайных.

Исполнительная — или, правильнее, представительная — власть заключалась в Малом совете. Он состоял из семи сенаторов, избранных из среды прочих, и ректора. Малый совет хранил печать, утверждал грамоты, принимал послов, сносился с иностранными державами и проч. В 1272 году появляется уже статут Рагузы, который впоследствии был изменен и в 1358 году вновь рассмотрен и пополнен.

В Рагузе известных нам времен считалось 40 000 жителей, не говоря о Рагузе сказочных времен Марка Краевича, в которой, по словам сербской песни, было одних ворот девяносто девять.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

По самому положению своему и ходу дел, довольно бурному на берегах Адриатического моря, Рагуза часто была увлекаема общими интересами в столкновения с Венецианской республикой, в дела Венгрии, сербов, тамплиеров и, наконец, в сношения с турками; но она умела благоразумно уклоняться от войн неровных, откупаясь деньгами или прибегая к дипломатическим сношениям. Только в самых крайних случаях она бралась за оружие. Конечно, это было одною из главнейших причин продолжительного существования этой небольшой республики и того богатства и благосостояния, какого она достигла впоследствии. Отдадим справедливость правлению Рагузы и в другом отношении: оно ценило и покровительствовало науке, поощряло таланты и особенно способствовало к развитию мореходства и торговли. Имена Марино Гетальди и Бошковича приобрели европейскую известность. Первый принадлежит к фамилии патрициев и знаменит не только как математик и ученейший человек, но и по тому добру, которое силился сделать для народа, униженного и низведенного до крайней степени; он жил в первой половине XVII века. Бошкович родился в 1711 г. и умер 1787 г. Он воспитывался у иезуитов в Риме и сделался особенно известен своею «системою натуральной философии» и некоторыми открытиями в физическом мире. Из поэтов Рагузы назовем близкого нам по духу Франческо Гондоло (Гундулич), принадлежавшего к XVII веку. Его поэма «Османиды» в двадцати песнях, писанная на сербском наречии, и теперь еще уважается между славянскими народами. Ге-

рой ее — Владислав с своими поляками, тот самый Владислав, который так несчастно кончил свои подвиги под Варной. Поэма была напечатана вначале латинскими буквами, что чрезвычайно затруднило ее чтение; теперь она перепечатана нашим шрифтом и сделалась доступною для большинства славян. Несмотря на близкие подражания итальянским поэтам, в Франческо Гондоло есть места, исполненные воображения и поэзии.

Рагузинцы менее расположены к нам, чем прочие далматийцы, им памятливы бедственные последствия нападения русских и черногорцев в 1806 году, и они вовсе не жалуют последних. Причиною этому, конечно, еще и то, что рагузинцы уже давно обратились к католицизму, сложились в одно цельное и самостоятельное правление, забыли старые предания и верования и все свои интересы, все помыслы и надежды устремили к иным целям, которые, может быть, и ныне иногда едва заметно проявляются. Не то с далматийцами: рассеянные в горах, небольшими деревнями и даже отдельными жилищами, изолированные, постоянно отчужденные от правления, которому принадлежат, они сохранили и веру своих предков, и прежние убеждения и тем крепче будут стоять за них, что время и уединение сильнее и сильнее вкоренило их в сердцах, проникло, так сказать, все их существование. Нет ничего опаснее для правительства, как население постоянно и добровольно, по подозрительности, по недоверию или другим причинам, отталкиваемое от общего участия как в правлении, так и в интересах его, особенно население, которого нравы остались не-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

прикосновенны общей порче и которое, следовательно, сохранило и силу воли и способность любви к своей вере и независимости, а отчаянная храбрость есть почти неотъемлемое свойство народа, воспитанного в постоянном прикосновении с природой дикой и борьбе с людьми. Такое население будет искать постоянно опоры и спасения в себе одном или извне, а не в своем правительстве, которое с упорством отталкивает его.

В Рагузе теперь всего до 275 человек православных, большею частью торговцев, переселившихся впоследствии из Далмации и Бокко-ди-Каттаро; есть церковь, или, правильнее, модельный дом, который грозит падением, так что в нем становится опасно служить литургию. Еще французы во время короткого своего управления уступили место для постройки церкви. Будем надеяться, что правительство и православные люди будут содействовать этому богоугодному делу, тем более что из Боснии и Герцеговины сюда стекается много православного народа, иные на базар, иные просто для того, чтобы побывать у обедни, которую им так редко удается слушать у себя.

От Рагузы до залива Бокко-ди-Каттаро море совершенно открыто с запада, и зимою переезд нередко бывает труден и качка невыносимая, а потому я часто отправлялся сухим путем до Кастель-Ново, а оттуда, заливом уже, на лодке или пароходе, который в редкие минуты расположения своего местное начальство высылало мне навстречу.

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

Переезд этот, разумеется верхом, я делал часов в пять. Окрестность довольно живописна. Сначала вид моря, свирепо кидаемогося на скалистый берег, по которому идет путь, потом долина Брено, зеленеющая и во время зимы, вознаграждают вас за труд верховой езды во время сильного ветра, а иногда и дождей, особенно когда вы подумаете, что в то время делается на пароходе.

Вам не для чего заезжать в Рагузу-Векию, хотя она в нескольких шагах от вас направо, разве вы едете к генерал-губернатору, который при вас хочет ревизовать этот злополучный город, в котором нет и тысячи жителей, без торговли и всяких занятий; но вы остановитесь в Брено, живописно расположенной деревне, — Брено, которой женщины славятся во всем Поморье Рагузы и Каттаро своею красотою, а главное, стройностью стана и роскошью форм. Наряд их оригинален и был бы очень хорош, если бы бренианки умели носить его с большею роскошью и вообще отличались вкусом при подборе цветов своего наряда.

ГЛАВА V

Вход в залив Бокко-ди-Каттаро, его укрепления, обширность и безопасность для флота; стоянка австрийской и русской эскадры. — Кастель-Ново. — Судьба его и всей провинции Бокко-ди-Каттаро. — Саввинский монастырь. — Лучшее убежище в мире. — Бедная находка. — Острова Мадонны и Св. Георгия. — Перасто. — Горные жители. — Рисано. — Дальнейшие красоты залива. — Доброта и его неприступные нравы.

Австрийцы принялись в 1854 г. с каким-то судорожным нетерпением укреплять вход в залив Бокко-ди-Каттаро. Начавши строить грозную крепость на Пункто д'Остро, другую на противоположном берегу залива и, наконец, третью на небольшом островке, как бы нарочно очутившемся против входа, они, словно в ожидании опасности, предварительно воздвигли временные земляные укрепления для защиты тогдашней стоянки своего флота.

Но есть народы, есть края, которых свободу не стеснить, не подавить никакими крепостями, которых как

будто сама природа предназначила не для мирной, тихой общественной жизни, но для каких-то других ее целей. И действительно, эти люди доказали, что они могут держаться и без крепостей, а крепости — доказанное дело, — будь они слиты, не только построены, из камня, не могут удержаться против правильной осады, особенно в краю, лишенном всяких средств к продовольствию и себя, не только гарнизона. К тому же, несмотря на видимую неприступность крепости, воздвигаемой на Пункто д'Остро, ее можно обойти с северо-восточной стороны, сделавши высадку на берега его, а также со стороны Турции, несмотря на пограничные форты.

Мы увидим далее, что народы, столь же предусмотрительные, как и австрийцы, простирали цепи с одного берега залива до другого, но не сдержали и цепи этот край в зависимости и чуждой власти.

Очутившись в Бокко-ди-Каттаро, оглядитесь кругом; вы не увидите ни входа, ни выхода; это ряд заливов, глубоких, просторных, на которых может вместиться флот всего света, и каждый залив замыкается другим, обнесенным двойною грядою громадных гор, скалистых, голых, неприступных гор и темных ущелий. Каждое из этих ущелий может защищать десяток удальцов, и скрытая за каждый из этих утесов горсть людей может перестрелять целый отряд регулярного войска, пока он вскарабкается до вершины, что и случилось с австрийцами на Паштровитской горе в 1838 году. Для чего могут существовать эти горы, ничего не производящие? А между тем они укрывают население довольно многочисленное, судя по

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

пространству, население, нуждающееся в первых потребностях жизни, а тем не менее существующее с давних пор, сохранившее свою веру, свое отечество, свой язык и свободу, между тем как кругом все изгибается под ярмом ли мнимой образованности, под гнетом ли открытого варварства, все тоскует по утраченной свободе и едва может отстоять остатки своих верований...

Но мы опережаем свой собственный рассказ.

Против входа в залив, в глубине его, в прекрасном местоположении, раскинут городок Новый, или Кафель-Ново. Он не имеет своей гавани; но в четверти часа от него прекрасная гавань Мединье, где и останавливаются пароходы той линии, которая идет далее в Корфу, не заходя в Каттаро.

Против Мединье, у Топлы, мы видели сосредоточенный весь флот австрийский под команду эрцгерцога Максимилиана. Он был расположен именно на том месте, где в 1805 в 1806 годах стоял русский флот под команду храброго адмирала Сенявина... Офицеры и матросы русского флота часто посещали Кафель-Ново и окрестности его; Сенявина здесь все знали. Офицеры и матросы австрийского флота почти никогда не сходят на берег — им здесь нечего делать: их никто не понимает, и они никого не понимают.

Кафель-Ново первоначально построен королем Боснии Стефаном Твартко в 1373 г. Во время владычества венгров во всем Поморье Твартко удержался в Кафель-Ново и, воспользовавшись бывшим между ними несогласием, прогнал их из всей Бокко-ди-Каттаро. Нынешняя

крепость начата испанцами при Карле V и окончена венецианцами. Стены ее очень пострадали от частых осад и нередких землетрясений.

В 1483 г. Кагель-Ново подпал под власть турок, громивших в то время эту часть Европы и сокрушавших на своем победоносном шествии, вместе с христианством, зародыш просвещения, возникавший и здесь. Пятьдесят лет спустя испанцы, в соединении с Венецианскою республикой, отняли Кагель-Ново у турок, но, в свою очередь, принуждены были уступить войскам Барбароссы. В 1687 г. осаждал Кагель-Ново боснийский паша; крепость была доведена до отчаянного положения, но подоспевшие вовремя венецианцы и мальтийцы под начальством Корнира разбили пашу и вступили освободителями — или, правильнее, победителями — в крепость.

С тех пор Кагель-Ново принадлежал Венецианской республике до самого ее падения. Это история почти всех городов Поморья, с некоторыми изменениями в частностях и времени главных событий.

В 1806 году Кагель-Ново, со всею Бокко-ди-Каттаро, был завоеван русскими при участии черногорцев; но по Тильзитскому миру Бокко-ди-Каттаро уступлена была французам. Черногорцы не давали покоя новым своим соседям и наконец, при пособии англичан, отняли опять почти всю Бокку у французов. По заключении трактата провинция эта была уступлена Австрии.

Из этого краткого изложения хода дел видно, что союзники и договаривающиеся державы распоряжались

судьбой этой провинции, не спрашивая ни жителей, ни главнейших действующих ее — черногорцев, несмотря на то что владыка Петр Негош, при заключении последнего трактата, не только владел Каттаро, но даже поселился было в нем. При объявлении австрийцами о том, что он должен сдать им город и крепость, у стен которой черногорцы пролили столько крови и где не пал ни один австриец, святопочивший Петр решился было защищать свое достоинство до последней крайности. Но убеждения русского двора склонили его поддаться горькой необходимости.

С тех пор австрийцы владеют этим превосходнейшим в мире заливом и всею провинцией. Они хотят воздвигнуть второй Гибралтар у входа его. Жители Боккюди-Каттаро, и особенно черногорцы, никак не могут позабыть дарового приобретения этого края. Взяли бы его австрийцы с бою — воинственное племя примирилось бы с горькой необходимостью подвластия, привыкши чтить победу и силу; но в настоящем случае много надобно будет искусства и такту местному правительству, чтобы приучить к себе этот народ, и последующие события показали, что труд этот идет не с большим успехом и в ущерб народной доверенности.

Кастель-Ново самый большой и самый красивый город во всем заливе. Тут горы еще не так скалисты, не так высоки и голы: они не заслоняют прекрасного неба, как в Каттаро, и окрестности, покрытой зеленью деревьев. Дубовая роща, которая ведет к Саввинскому монастырю, и самый монастырь в очаровательном местоположе-

нии. Теперь близость пароходной гавани нарушает по временам его уединение, которое так успокоительно, так чудотворно действовало на душу, усталую от мира. В монастыре всего старик игумен, почтенный и добрый, пламенно преданный своей родине, о которой не перестает тосковать его сердце... и еще один монах. Церковь очень древняя по основанию, но несколько раз возобновленная, довольно красивая по местности, и как все здесь исполнено воспоминания по России! Сосуды, ризы и пр. — жертвы русских; есть и другие воспоминания. Растительность около монастыря и вообще Кастель-Ново сильна: пальмы, которые уже у Рагузы встречаются, но довольно мелки, здесь, особенно одни при въезде в город со стороны Рагузы, прекрасны.

В Кастель-Ново и его окрестностях около 7000 жителей, из которых 4500 православного исповедания. Евреев было, как видно по оставшемуся кладбищу испанских евреев, много; теперь почти нет. Здесь некого им разрабатывать. Возле этого кладбища течет ручей, который прежде назывался Мили, а теперь называется Немили, по случаю одного, исполненного грусти приключения. Рассказ о нем может иметь прелесть только в сочетании с тем чудным местоположением, в котором течет этот ручей; но так как я не могу передать вам ощущений, испытанных мною от этой тени, зелени, пролады ручьев и ярких проталин голубого прозрачного неба и разбрызнувшегося сквозь чашу листвы солнечного луча и видневшегося внизу гладкого, как стекло, моря, то избавляю вас и от самого рассказа легенды о Мили.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Читатель, хотите покойно и счастливо кончить дни свои — купите этот прекрасный дом, что недалеко от парходной гавани, с густою рощею лимонных, апельсиновых и померанцевых деревьев; все это продается за 3000 рублей серебром, и не находится покупателей! А если голова ваша не вынесет этого густого аромата цветов, купите другой дом с землей и садом! Я уже вам сказал, что здесь повсюду запущение или развалины: Бог знает куда и зачем бежит народ из этого благословенного природой края; верно люди портят его!

Первый залив этого одного общего залива, имеющего 18 итальянских миль в длину, оканчивается проходом Катеней, который не более 4440 футов в ширину. Здесь во время венгерского короля Людовика, в 1381 году, была протянута с одного берега на другой толстая цепь, чтобы преградить путь венецианским берегам; от нее-то пролив получил свое название. Далее от Катеней у подошвы Кассан, возвышающейся до 2783 фут. от уровня моря, лежит Перасто, селение довольно красивое издали, жалкое, когда вы в него войдете. Во время Венецианской республики оно составляло город, который славился преданностью своею республике. Здесь постоянно развивалось знамя Св. Марка. Жители его — католики по преимуществу. Над Перасто еще сохранилась часть укрепления, построенного жителями для защиты от турок во время владычества их в окрестной стороне. Случалось вам встретить человека, близкого вам, в глуши, вдали, где вы никак не ожидали его найти, так точно поражен я был, нашедши в Перасто, в его префектуре, кар-

тину, которая напомнила мне так много родного, близкого сердцу. Прежде всего кинулся мне в глаза полный титул императора Петра Первого, находящийся наверху картины; далее слова: Марко Мартынович, адмирал, со своими учениками, русскими князьями и боярами; по сторонам картины имена учеников, числом до четырнадцати; между ними трое Голицыных, Куракины, Хилковы и другие; но на картине всего шесть фигур учеников и седьмая самого Мартыновича с картою в руках. Все они сидят вокруг стола, на котором глобус, компас и несколько других принадлежностей для изучения географии. Работа картины довольно хороша.

Мне не могли ничего сказать положительного об этой картине, которою в Перасто очень дорожат. Известно, что Мартынович, ученый астроном и математик, был родом из Перасто и, по просьбе Петра Великого о присылке ему опытного мореведа, был послан Венецианской республикой как славянин, как православный и как человек, вполне соответствующий этому важному назначению. Говорят, впоследствии Мартынович, с некоторыми из своих учеников, был в Венеции для дальнейших усовершенствований молодых людей в мореходстве. По всем вероятностям, он здесь и заказал эту картину, которую во время посещения своей родины и оставил ей на память, зная, как близко здесь сердцу все, что говорит о России.

Против Перасто лежат два маленьких островка, Мадонны делло Скалпелло и Св. Георгия. Первый известен своим чудотворным образом Мадонны делло-Скалпел-

ло, находящимся в небольшой церкви, изукрашенной различными приношениями Богоматери. Живопись образа приписывают Св. Луке. Легенда говорит, что он вывезен из Негропонта в 1452 г.; но как очутился здесь — неизвестно. Однажды двое рыбаков, братья, вышедшие на этот маленький остров, нашли тут икону, окруженную горящими свечами. Они взяли ее с собою в Перасто и поставили в тамошнюю церковь; но в следующую за тем ночь образ сам собою перенесся на прежнее место. Это повторялось три раза, а потому его оставили на острове. Нынешняя церковь построена в 1630 году. Явление образа празднуется очень торжественно 22 июля — день, в который он найден; в празднике принимают участие и рисанцы — греческого исповедания.

Между прочими чудотворными деяниями Мадонны вспоминают с особым благоговением спасение Перасто от турок. В 1651 году явились они из Кастель-Ново в числе 6000 человек и нескольких судов и осадили город; положение жителей было отчаянное, но Святая Дева явилась в образе старухи в белом одеянии на стене укрепления и грозно указала туркам удалиться. Неприятель повиновался. Это было 15 мая, и в этот день образ с процессией носят по улицам Перасто.

Остров Св. Георгия пользуется другого рода известностью. По положению своему он весьма удобен для защиты залива; вследствие чего французы в прошедшей войне заняли бывший тут некогда бенедиктинский монастырь казармами и укрепили его. Остров переходил из рук в руки и обогрен кровью.

На север от Перасто, в глубине залива, лежит Рисано, на месте древней римской колонии, известной у Плиния под именем Ризиниума или Рициниума. Еще видны, шагах в четырехстах от церкви, остатки римской дороги, и находят много древних монет в городе.

Город невелик: вместе с округой он едва содержит 4000 жителей — все православного исповедания.

Далее вдается в землю, врезываясь между Турцией и Черногорией, племя кривошие, которое простирается до 700 человек; оно ничем не отличается от своих соседей: носит струку и ружье, находится в постоянной вражде с турками. Только кривошие несравненно беднее и диче черногорцев и турок. У большей части нет рубах; кое-какая лачуга, прислоненная к скале, или пещера, превращенная в лачугу, несколько голых камней, на которых никакими усилиями ничего не вырастишь, — вот все достояние кривошиянина: что возьмет он с ружья у турки, тем и живет. Награбленное он тайком сдает в Рисано, куда также сносят для сбыту свою добычу черногорцы.

Трудно себе представить, как такой народ может очутиться среди государства образованного; как такая аномалия, к которой можно, впрочем, отнести всю Бокку, может существовать в Австрии. Нельзя сказать, чтобы правительство не пыталось и в Кривошине ввести свое правильное управление и суд; но народ бежал от того и другого или восставал силою. Может быть, потому, что управление ограничивалось сбором податей, которых решительно неоткуда было взять, или тем, что, по жало-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

бам турецкого правительства, виновных в грабеже сажали в тюрьму, впредь до осуждения; кончалось обыкновенно тем, что заключенный, при пособии своих соплеменников, успевал бежать или разбивал голову об стену. Тюрма для него решительно невозможна.

А между тем по натуре кривошие народ далеко не злобный и не чужд многих хороших качеств. Нужно только с сочувствием к нему, с любовью к человечеству и с терпением приняться, чтобы сделать из них людей, ввести в общую семью. Но до того ли местным властям! К тому же призвание это было бы слишком низко для их возвышенных положений. И показаться-то между этим племенем без солдат неудобно — пожалуй, еще убьют; ну, а при солдатах какие разговоры — и у них, и у кривошиян ружья заряжены пулями! Кривошияне, подобно рисанцам, отстояли от турок и католиков свою веру.

Прежде чем оставите Рисано, оглянитесь назад на Столиво, собственно на Горнее Столиво. Между тем как городки и деревни облегли весь залив, обвивая его зеленью своих садов и сжавшись как могли между ними и подошвой горы, Горнее Столиво смело взбежало до половины горы и, вцепившись за выдавшиеся ее камни, повисло на них. Вы не можете надивиться, глядя снизу, на чем и как держатся эти ярко-белые долины; вы даже не видите основания их, скрытого в яркой зелени деревьев. Сколько труда, сколько усилий нужно было, чтобы завоевать у природы эти бесплодные камни, взрастить на них деревья и втащить все нужные для постройки предметы. Конечно, только крайний недостаток в жилой

местности да неприступность скалы для неприятеля могли заставить людей взобраться сюда.

Внизу лежит Дальнее Столиво, от которого и идет узкая тропинка вверх. В обоих селениях нет и ста пятидесяти домов.

Одежда рисанцев самая живописная во всей Бокке, отличающейся оригинальностью, если не всегда красотою, одежды своих жителей. Цвет ее зеленый или красный, куртки вышиты золотом или серебром; шаровары так же широки, как у других боккезцев, и оканчиваются у колен; но покрой их не так безобразен, или, может быть, это кажется потому, что он скрашивается богато вышитыми доколенцами, плотно облегающими вокруг ноги; турецкий фес, вместо боккезской шапочки, довершает одежду рисанцев, которые любят пощеголять ею, уверяя, что происхождением ее они обязаны римлянам. Скорее они позаимствовали ее от испанцев во время краткого их пребывания в Бокке, дополняя ее частью прежней своей, общей всем туземцам.

С каждым поворотом залива вам представляются новые и новые картины: горы становятся все выше и выше и, наконец, встают одною сплошною стеною у Доброты и Каттаро, стеною, отделяющею Черногорию от моря и от прочего мира, стеною, к которой прильнул Каттаро, словно ласточкино гнездо.

Пароход быстро минует Перчань, или Персаньо, и Мулу — селения, с правой стороны прекрасную бухту, глубоко вдавшуюся между Перасто и Добротой, наконец, самую Доброту и кидает якорь у Каттаро. Глубина

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

залива везде от 100 до 200 футов, так что кораблевладельцы, которых очень много в Бокке, обыкновенно останавливаются с судами, так сказать, у порога своих домов.

Бокка резко отличается благосостоянием и даже некоторым богатством своих жителей от Далмации и Рагузы. Главный источник их богатства — мореходство. Но между всеми городками и деревнями, бесспорно, самое богатое селение — Доброта.

Доброта состоит из многих групп домов, в три, четыре, редко в десяток, окруженных высокой стеной в виде укрепления, как против врага вооруженного, так и против каждого чужеземца. Дома, каменные, большие, в два и три этажа, свидетельствуют о зажиточности жителей. Зелень узкою полосой обвивает их, достигая залива с одной стороны и упираясь с другой в голые скалы, отделяющие Доброту от Черногории, по-видимому, недоступною преградой; но взгляните хорошенько на эти пики: вы непременно отыщете где-нибудь на вершине их черную точку: то коза, а куда достигает коза, туда достигает и черногорец, говорят обыкновенно поморяне; и, действительно, добротяне не раз видели развевающиеся на этих скалах темные струки черногорцев, которые, словно крылья орлов, с каждым взмахом опускались все ниже и ниже на заветное гнездо, с таким усилием свитое у подножия скал обитателями этого богатого селения.

Добротяне все без исключения католики, и притом богаты, а потому при первом неприязненном отношении черногорцев к правительству Бокко-ди-Каттаро — а это случается нередко среди всеобщего мира и тиши-

ны — они, обрушиваясь всесокрушающим потоком со своих гор, прежде всего разражаются над Добротою, не смотря на ее стены и храбрость жителей, из которых, впрочем, половина мужчин всегда находится в отсутствии в море.

Добротяне отличаются суровостью своих нравов, жадной к наживе и в особенности своей восточной ревностью. Подобно всем боккезцам, они отличаются стройным, высоким станом и мужественной красотой; темный цвет одежды их, с блестящими серебряными пуговицами, и богатое вооружение, украшенное насечкой и перламутром, очень идет к их лицам — суровым, смуглым, избитым бурями, закаленным в морях. Женщины в Доброте тоже славятся красотой, чего нельзя сказать о женщинах вообще в Бокко-ди-Каттаро. Цвет лица их до того бел и нежен и кожа так прозрачна, что английский путешественник Вилькенсон вообразил себе, что они, для достижения этой желаемой всеми женщинами цели, очень часто пускают себе из ноги кровь. Я ничего подобного не слышал, но объясняю себе эту матовую бледность женщин Доброты очень просто. Ревность мужей заставляет их вести жизнь совершенно затворническую: они не смеют показываться у окна; без магометанского покрывала и стражи евнуха, они так же незримы, как и женщины турецкие.

Жизнь здешней женщины проходит еще грустнее, еще печальнее жизни турчанки, у которой все-таки есть свои радости, свое общество, бито, наконец, муж, которого она довольно часто видит. Здесь и того нет. На ули-

цах пусто. В доме, в котором нет детей, совершенная тишина. Богатая добротянка не станет заниматься работой. Задумчиво украдкой смотрит одинокая жилища его из какого-нибудь отдаленного угла, боясь быть открытой и замеченной, на тихую гладь залива, в котором любуются собою и дикие скалы, и ярко-голубое небо, и огромный дом, в котором живет она и томится скукой, — не для нее эти красоты природы; неразвитая, загнанная, она не умеет сочувствовать им. Как будто кого-то постоянно ожидает она. Но кого ей ждать? Конечно, мужа; другого мужчины здешняя женщина не знает. Но она более со страхом, чем любовью, ждет его. Добротянин, привыкший к борьбе на море и покорности на корабле, требует дома покоя и беспрестанной угодливости жены; а если еще подозрение как-нибудь закрадется в сердце мужа, тогда жизнь ее совершенный ад. Зимой вдобавок страх и ожидание черногорской четы отымают у нее покой и сон — единственную отраду в ее жизни.

Помню я, однако, одно происшествие в Доброте, о котором шептались много и долго, потому что происшествия подобного рода составляют здесь события, весьма редко повторяющиеся; оно случилось давно; уже нет той бедной страдалицы, которая была героиней его, и потому можно смело рассказать самое происшествие.

Бедная затворница, решившаяся как-то выглянуть из окна, увидела как-то молодого человека, по-видимому чужого в ее селении; вскоре заметила она, что он проходил именно в один и тот же час по улице, и, скуки ради, может быть, из любопытства, каждый день ожидала по-

явления его. Заметил ли он ее или знал прежде, что в этом доме жила красавица жена, без мужа, под надзором дряхлой родственницы, только всякий раз, проходя мимо, он подымал голову вверх, замедляя шаги и не сводил глаз с окна, где стояла она. История эта шла обычным порядком, и хотя гораздо робче, чем она совершается в других местах Европы, но с терпением, и от нечего делать участвовавшим в ней все-таки дошла до желанной развязки. Молодой человек нашел возможность дать знать бедной женщине, что придет к ней, — как и когда, она ничего не знала, могла только догадываться о том. С улицы взойти невозможно: ревность и зависть соседей сторожат зорко друг друга; молодой человек решился перелезть через заднюю стену дома, примыкавшую к горе. В глухую ночь, с веревочной лестницей, как тать, подкрался он к дому. Шел крупный дождь, который здесь не перестает в течение почти всей зимы, и шум его заглушал и смывал шаги его. Темнота — зги не видно. Где-то залаяла была собака и смолкла на бегу, словно испуганная; кругом тихо; тень от стены еще увеличивала, если это было возможно, темноту. Медленно поднялся он на стену и вдруг припал к ней: о ужас! На другом углу стены, на темном фоне горизонта, отразилась пятном еще темнее человеческая фигура, другая, третья, и, тихо скользя, как тень, опускались они со стены во двор; мелькавшие за спинами длинные ружья не оставляли никакого сомнения, какого рода были это люди. Забыв всякую осторожность и думая только об опасности, какой подвергалась та, которую избрал предметом своей страсти или рассеяния,

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

молодой человек кинулся к дому, где жили солдаты, квартировавшие в Доброте. Вскоре и все селение, привыкшее к подобного рода посещениям, всполохнулось. Черногорцы чутьем угадали тревогу, перебрались опять через стену и, как дикие козы, унеслись в свои горы и ущелья. Вслед за тем разошлись солдаты и народ; в дом вошли только соседи и несколько родственников и нашли хозяйку одетую, и очень тщательно одетую, и дрожащую как лист. Гости сомнительно переглянулись. Обыскивая потом вокруг дома, нашли и веревочную лестницу. Некоторые говорили, что ее, верно, забыли черногорцы; другие, более опытные, утверждали, что подобного рода роскошь не могла принадлежать черногорцам, разве не участвовал ли кто из Бокки в чете. Но розыски же было чинить; благо что чета обошлась без грабежа и крови. По возвращении своем из-за моря муж, конечно, узнал о бывшей без него чете, узнал и о том, как в ту ночь нашли у дома его веревочную лестницу; какие заключения он из того вывел и что говорил о приключении с женою, неизвестно, только с тех пор никто уже не видал ее; увидели только тогда, когда она лежала в гробу, что случилось довольно скоро после приезда мужа. Что же, вещь обыкновенная! Один умирает ранее, другой позже.

Добротяне, которых вы встречаете в Триесте и других приморских городах, одеты по-европейски и по наружности ничем не отличаются от других моряков, но дома они все принимают свой национальный костюм. Нововводителю не было бы житья у себя на родине.

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

От Каттаро до Доброты около получаса пути; но дорога или тропинка, которая ведет к нему, как и все дороги, очень дурна. Мы, однако, часто ходили сюда любоваться с церковной паперти чудным видом на залив, который, увы, несмотря на все выгоды, представляемые им для флота, постоянно пустынен.

В конце селения Доброты, простирающегося довольно далеко в длину, есть небольшой, но очень красивый, особенно после дождей, водопад — Лютой, образуемый речкой того же имени.

Один путь удобопроходимый во всем краю — это от Каттаро до Персаньо; шоссе, которое ведет сюда, начато с незапамятных времен и до сих пор проведено версты на полторы. Другие дороги близ Рагузы, до Будвы и несколько далее, устроены еще французами во время их здесь владычества.

ГЛАВА VI

Каттаро; история города; каким образом он достался австрийцам. — Нынешний город; жизнь в нем; население города и провинция. — Тревоги. — Переход из Каттаро в Черногорию в различное время года и в различные эпохи.

Каттаро вы заметите, только когда совсем приблизитесь к нему: стена, окружающая его, и самая крепость Св. Жиовани, под цвет окрестных скал, совсем сливаются с их выдавшимися камнями.

Каттаро, или, как местные жители называют его, Котор, составляла во времена владычества римлян колонию Аскривиум. Имя это придали ему первоначальные основатели, изгнанные из города Аскри, сицилианцы. Котором он стал называться с IX века, вскоре после того, как сарацины совершенно разрушили его вместе с другими городами Поморья. Жители также разрушенного венгерцами в соседственной Боснии города, который назывался Котор, пришли на место Аскривиума и возобновили его под именем своего отечественного города.

Мы не станем следить за всеми переворотами, которым подвергался Каттаро, смотря по тому, проходили ли орды диких народов всеокрушительным потоком по этому краю, приподымало ли главу греческое владычество, накладывали ли на него руку венгерские короли или сербы, — скажем только, что еще с XII века Каттаро сложился в отдельную республику, которая отдалась под покровительство Сербии и с тех пор, чувствуя свою слабость и невозможность существования как отдельного государства, всегда признавала над собою владычество сильнейшего; это владычество, впрочем, было только номинальное, потому что весь произвол внутреннего управления, по силе взаимных обязательств, Каттаро всегда оставлял за собою. На таких условиях поддался он и Венеции, во время ее силы и могущества, именно в 1420 году, когда флот адмирала Лоредано показался на водах залива. Капель-Ново не имел благоразумия Каттаро и должен был вести участь завоеванной области. Вся власть Венеции над республикой Каттаро ограничивалась тем, что первая имела в Каттаро своего сенатора с названием экстраординарного, но без всякой власти.

Когда в первый раз владения Венеции достались Австрийской монархии, республика Каттаро не хотела подчиниться ей на основании обоюдных условий с Венецией, по которым эта последняя не имела никакого права располагать ее участью и, в случае своей слабости и невозможности защищать ее, должна была отказаться от своего владычества; но события и на этот раз показали, что все договоры соблюдаются только до тех пор,

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

пока они выгодны для договаривающихся или пока одна из сторон не довольно сильна, чтобы нарушить их.

Каттаро, некогда служивший местопребыванием властей республики, теперь окруженный городом Боккоди-Каттаро с 3000 душ! Улицы его до того тесны, что, как я некогда писал, два человека с развернутыми зонтиками едва могут в них разойтись. Из окна дома в другой противоположный можно перекинуть доску и по ней перейти, что иногда и случалось делать! Стены Каттаро, выдержавшие несколько осад, пострадали от землетрясения в 1563 и 1667 годах, а в 1760 году — от взрыва порохового магазина; они во многих местах треснули.

От подошвы стен вверх на 800 футов идет укрепление Св. Жиовани, значительно усиленное во время французского владычества. С двух сторон город обтекают быстрые горные потоки; недостатка в воде, столь ощутительного в некоторых городах Далмации, нет; зимою же все улицы бывают полны водой от непрерывных в это время года дождей.

Из старинных зданий хорошо сохранился францисканский монастырь, существовавший еще в 1280 г., но он обращен и переделан в артиллерийский арсенал.

Жители — большая половина католиков и несколько меньшая православных. В католическом соборе сохранилась часть мощей св. Трифона, покровителя города, которого изображение мы видим на самых старинных монетах Каттаро. Мощи этого святого, замученного в Малой Фригии, перевозили в Венецию; в заливе остановились на время, поставили их на место, где находятся

ныне, но когда потом хотели взять на корабль, на котором везли, то несколько матросов не могли их сдвинуть с места, что, конечно, и было признано за указание, где святому угодно было покоиться, — так говорит легенда!

«Каттаро скучен по превосходству», — писал я двадцать лет тому назад; в последующие свои поездки, к сожалению моему, я имел случай вполне в этом убедиться. Вот как я тогда описывал жизнь в Каттаро во время лета: «С рассветом он оглашается выстрелами: это стрельба в цель австрийских егерей; на площади за городскими воротами кипит базар, если это день базарный; на нем господствуют черногорцы со своими скудными произведениями. С 9 часов и даже ранее настает жар невыносимый, город пустеет; ставни всюду закрыты; все по домам, полураздетые, в бездействии и лени; к полудню солнце жжет со всею силою: с трудом дышишь. Но вот вечереет; ставни понемногу растворяются; кое-где из окна выставляется изнеможенная полдневным зноем головка итальянки с черными, лоснящимися волосами, с глазами, полными изнеможения, неги, страсти, или более холодное лицо сербки. Ночь; дома настезь! На площадке звуки Страусовых вальсов, выполняемых прекрасным батальонным оркестром; городские власти гуляют у взморья; это пора любовной интриги, которая, избегая шума и чужого глаза, скрывается в простенках городских укреплений; тут жизнь итальянская, завещанная Каттаро Венецианской республикой!..»

Бокко-ди-Каттаро отделена от Рагузы, или, правильнее, провинция Рагузы отделена от Бокко, а равно и от

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Далмации, узким пространством земли, принадлежащей Турции. Это случилось во время республики Рагузы, когда она, враждебная Венецианской республике, желала иметь в соседстве лучше Турцию, чем быть соприкосновенной с венецианскими владениями, и уступила добровольно эти пограничные пункты Турции — такова была вражда многих христианских республик между собою, которая, конечно, немало содействовала распространявшемуся тогда владычеству Турции. Эти два участка земли, известные под именем Клек и Суторинно, составляют предмет политических мучений Австрии и постоянных переговоров с турецким кабинетом. Действительно, неприятно видеть владения, рассекаемые чересполосными землями... Правда, австрийцы провели через них шоссе, которое идет вдоль моря; но если турки, по беспечности своей, не мешали им строить это шоссе, то спохватились потом, надоумленные другими, и теперь весьма неприязненно смотрят на такое самоуправство в своих владениях. На беду Австрии, один из этих пунктов представляет прекрасный порт, который, по выгодному положению своему, мог бы в руках морской державы развиваться в короткое время и подорвать торговлю Триеста; эта мысль, конечно, только усиливает опасение австрийского правительства.

В провинции Бокко-ди-Каттаро считается теперь 34 699 жителей. Из них 24 739 православного исповедания, 9950 — римско-католического и 10 евреев. Говорят поморяне — или, правильнее, горожане — более по-итальянски, с венецианским произношением, а жители

внутренней земли — по-славянски, сербским наречием, с примесью слов итальянских. В письме латинская азбука еще не заменила славянской, за немногими исключениями; высшее общество читает и пишет только по-итальянски; между чиновниками и особенно между военными господствующий язык немецкий.

Провинция разделена на три округа или претории: Каттаро, Будву и Кагель-Ново, которые подразделяются на общины и племена; управляются претории окружными капитанами, а общества и племена по старинному — князьями и барьяктарами, избираемыми каждые три года.

Неприязнь жителей в двух различных исповеданиях очень заметна: она осталась от старых времен и вкоренилась особенно при венецианском управлении, которое теснило и угнетало жителей православного исповедания.

Часто посещая Каттаро, я видел его однажды необыкновенно оживленным. Память о том останется, конечно, надолго у жителей всей провинции. Это было в 1838 году — я был пробужден на рассвете сильным движением на улице, стуком оружия и бегом в доме. Еще не протер я глаза, как вбежала хозяйка бедной гостиницы, где я жил:

— Несчастье, страшное несчастье!

— Что такое, что такое?

— Черногорцы нахлынули на Бокку и жгут и режут что ни попадается.

— Много ль их и где?

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

— Вся Черногория свалилась с гор и рассыпалась, как горох, по Бокке.

— Какой вздор! Да ведь здесь их нет?

— Еще нет, но, говорят, сейчас будут. Защитите, ради Христа, вы знаете, что мы истинные православные и не терпим немцев.

— Берегитесь, немец слышит, — сказал я шутя, указывая на вошедшего.

Хозяйка робко оглянулась. Но это был черногорец Видо, несменно при мне находившийся, которого тоже внезапно разбудили; но он был уже совершенно одет и вооружен, бодр и весел.

— Что там такое? — спросил я его.

Видо молча открыл окно и с торжествующим видом указал на улицу. Солдаты торопливо, чуть не бегом, проходили через город; офицеры перебежали из дома в дом; денщики их тащили, что успели захватить для внезапного похода; слышен был рев запрягаемых и седлаемых ослов и стук орудий. Город превратился в военный стан.

Есть что-то чарующее и вместе теснящее грудь в приготовлениях к битве. Солдаты шли бодро; офицеры были слишком заняты настоящим приготовлением; жители находились под влиянием страха от преувеличенных слухов и хлопотали о том, как бы скрыть свои пожитки.

Выслав хозяйку из комнаты, я обратился к Видо с вопрошающим лицом; он отвечал самодовольной улыбкой.

— Чему ж ты рад, какой толк выйдет из всего этого?

Видо пожал плечами, как бы желая сказать: что я знаю, это не мое дело! — увертка, к которой часто прибегают славяне.

— Рассказывай, что все это значит, только скорее, надо ехать в Цетинь.

— Да ничего особенного. Австрияки стали было говорить, что вершины Паштровитской горы их, а мы говорили, что наши; они поставили на ней казарму и посадили в ней солдат, а мы сбросили казарму, а вместе с нею и солдат под гору, туда, где им следовало быть, — вот и все.

— Солдаты убиты?

Видо утвердительно кивнул головою.

Я наскоро собрался, зашел к окружному капитану и потом отправился в Цетинь.

В то время переход в Цетинь, местопребывание владыки Черногории, был не то что теперь. Вот что я писал об нем после первого своего путешествия в эти края.

«Я вышел из Каттаро до рассвета... Горизонт неба едва занимался заревом приближающегося светила; но вершина Ловчина уже была облита его лучами и горела и сияла как жар-птица в наших сказках. Залив Каттаро, лучше которого и в мире ничего нет, спал в полумраке сном праведника, существующего для блага человечества, и только для блага его! Божий мир лежит передо мною во всей красе своей, но мне было не до того, чтобы любоваться им; я уже изнемогал, а Ловчин вставал передо мною все выше и грозней; едва взбирался я на кручу по выдавшимся камням или кое-где иссеченными ступенями, цепляясь за колючий кустарник, как нередко

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

опять скользил вниз по осыпям. Казалось, не было конца пути, а солнце, столь приветливое вначале, становилось все жарче; я задыхался от зноя и усталости. Каттаро со своими стенами, взбежавшими высоко вверх, мало-помалу мельчал, становился неприметней, наконец, совсем исчез на дне бездны. Мы подымались все выше и выше... Вдруг пахнуло отрадной прохладой с покрытой снегом вершины гор, и я снова ожил».

Теперь переход этот не так труден. Австрийцы устроили путь до полугоры, где кончается их граница, путь, стоивший им чрезвычайных издержек, зато весьма удобный. Он идет закоулками, по скату горы и ребрам скал, и таким образом удлинен, может быть, в четыре раза против прежнего, а потому черногорцы продолжают ходить напрямик, перерезывая шоссе во многих местах. От границы черногорской покойный владыка также обделал несколько дорогу, и, за исключением нескольких мест, весь путь можно сделать верхом, и не более как в 6 часов, между тем как прежде нужно было употребить для этого целый день, после которого бывало дня три не чувствуешь под собою ног.

Мне случалось переправляться через эти горы зимой, по пояс в снегу, когда о верховом переезде и думать было нечего, и я должен сказать, что только самая крайняя необходимость может принудить к такому подвигу, а между тем черногорцы все-таки продолжают являться и зимой на базар в Каттаро, хотя, конечно, не так часто; в это время года не обходится без несчастных случаев. Зато переход зимой из Цетиня в Каттаро, из суровой

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

зимы в места, где зеленеет трава и цветут лимонные деревья, переход, совершенный в течение одного и того же дня, до того резок, что не веришь своему счастью. Да, истинное счастье выбраться из сугробов снега, особенно когда не находишь более отрады в этом Цетине, некогда столь привлекательном для меня, и очутиться среди цветущей и роскошной природы Приморья!..

ГЛАВА VII

Война за независимость Черногории. — Отношения к ней австрийского кабинета. — Австрийский комиссар. — Переход от Каттаро до Будвы. — Пастровичи, его права и преимущества. — Выстрелы, доходившие до нас с поля битвы, австрийско-турецкая граница.

Война была в полном разгаре. Черногория, чуть не в двадцатый раз после падения Сербского царства на Косовом поле, отстаивала свою независимость против турецких войск. При пособии пиперских старшин, продавшихся туркам и изменивших кн. Данилу, Омер-паша уже вторгся в пограничные нахии. Черногорцы дрались один против четырех; исход войны был, конечно, неизвестен, но они решились скорее погибнуть, чем уступить свою свободу. Пороху было мало, свинцу — еще менее; они работали ятаганам.

Как ни торопился я, однако все-таки около десяти дней проехал от Петербурга до Каттаро. На день остановился в Вене, и то чтобы видеться с графом Буолем,

представиться императору и получить дальнейшие наставления...

Это было в ту эпоху, когда отношения наши к венскому двору дошли до крайних пределов дружбы, далее которых не могли идти, и потому, как неестественно, судорожно натянутые, должны были или мало-помалу ослабляться, или внезапно и неожиданно оборваться в скором времени. Последним проявлением этих дружеских отношений двух кабинетов было совместное действие их в защиту Черногории. Нельзя не сознаться, что Австрия систематически и постоянно преследовала свободный народ, служивший соблазном для единоверных ему соседей, подданных ее. Австрия, тяготевшая над ним всею силою своего нравственного влияния, принесла жертву России, ставши с нею заодно в этом деле против врагов Черногории.

Император Франц-Иосиф объявил мне те меры, на которые решился он, чтобы принудить турок прекратить военные действия в Черногории, прибавив, что вместе со мною отправится в лагерь Омер-паши и австрийский комиссар, который уже ожидает меня в Каттаро. Далее весь разговор государя был посвящен выражениям дружбы и привязанности к нашему царственному дому. Не знаю, почему слова его, по видимому исполненные искренности, врезываясь в моей памяти, не проникали до сердца — вероятно, причиною тому было мое тогдашнее настроение.

Когда я спускался с «Общины» к Триесту, то увидел на сильно взволнованном море дымившийся казенный

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

пароход, который качался с боку на бок, поджидая меня: телеграф предупредил его о моем приезде. Мне стало тошно, как только подумал, что через несколько часов отправлюсь на нем.

Отобедав у генерал-губернатора гр. В., я на лодке дошел до парохода, который за сильным ветром стоял довольно далеко от берега. И огласился пароход стонами той гадкой болезни, от которой нет ни лекарства, ни спасения, которая отравляет все существование на море и уничтожает, по моему мнению, все выгоды мореплавания. Генерал-губернатор гр. В. вместе с тем был и контр-адмирал, начальник австрийского флота, тем не менее он не мог сделать переезда от Триеста до Венеции в самую тихую погоду без того, чтобы с ним не было дурно. Если это позволительно для контр-адмирала, то для нас, обыкновенных смертных, и подавно, особенно в такую бурную пору, в какую отправились мы на этот раз из Триеста.

Мы заходили в Зару, чтобы взять с собою генерал-губернатора Далмации Мамулу, и потом высадились в Рагузе; далее уже не в силах были продолжать путь морем и отправились до Кастель-Ново сухим путем, верхом. Дорогою происходило все то же, что делается и у нас при встрече генерал-губернатора, право не лучше! В Кастель-Ново мы опять пересели на пароход, который был в нашем распоряжении. Каттарский залив представлял довольно надежное затишье.

В Каттаро нашли мы генерал-адъютанта императора Франца-Иосифа. Непривычная деятельность кипела

в городе. Некоторые части войска уже были придвинуты к турецким границам. Комиссаром, со стороны Австрии, был назначен майор Генерального штаба Калик, тот самый, которого имя впоследствии является с именем нашего и других комиссаров на акте иного рода. Тут я узнал, что Калик уже ездил к Омер-паше и только что вернулся, что поездка его не имела официального характера и что они расстались очень дружелюбно. Калик же предупредил меня, что вся долина между Антивари и Скутари находится под водой после продолжительных дождей и что нам предстоит самый мучительный переезд, какой только можно вообразить. Впоследствии я убедился, что он ничего не преувеличивал. Генерал-адъютант барон К. обязательно предложил нам казенный пароход до Антивари, чтобы сколько-нибудь побережь силы наши для дальнейшего трудного пути. Но когда мы вышли за городские стены, то увидели картину, какой едва ли кому из нас случалось видеть. Залив Каттарский, постоянно тихий и покойный, куда, казалось, и ветру нельзя было проникнуть, походил на кипящий котел. Волны так и силились выбиться из-за скал, заграждавших им путь. Тучи, черные и грозные, совсем лежали над водою, и в этой густой и темной массе едва виднелся пароход, силившийся сняться с якоря и уже не слушавшийся руля, вырываемого волнами из рук матросов. Нас хлестало резким дождем и сшибало с ног ветром, а на море был совершенный хаос. Нечего было и думать о морском путешествии. Послали за лошадьми. Пока их отыскивали

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

и оседлали, прошло около трех часов, и только в полдень караван наш двинулся по направлению к Будве.

Поднявшись несколько в гору и обратившись назад, к заливу, мы увидели страшное зрелище: сильным порывом бури смело все тучи с волн, но с тем вместе сорвало с якоря пароход, и он носился по волнам, истощая все усилия людей и паров, чтобы уклониться от берега и выйти в открытое море; издали казалось, что вот-вот набросит его на скалу и разлетится он в щепы. После узнали мы, что действительно пароход только чудом спасся от совершенной гибели, хотя сильно пострадал. Наступила наша очередь терпеть. Хотя несколько и прояснилось, но ветер не стихал, и, чем более приближались мы к вершине горы, тем он становился ощутительнее. Наконец мулы и лошади отказались идти: их сбивало с ног, надо было продолжать путь пешком; но вскоре убедились, что и этот способ путешествия невозможен. Буря грозила сбросить нас в пропасть, что еще недавно случилось с одним из австрийских батальонных начальников. Мы переждали в одном из блокгаузов, находившихся на вершине горы, пока спадут первые сильные порывы ветра и он хотя несколько ослабеет.

Дорога от Каттаро до Будвы довольно удобна. Это следы пребывания французов в стране; нужно бы только устроить в некоторых местах барьеры со стороны моря — во время дождей не один мул скатился вниз.

При въезде в Будву нас поразили разрушения, причиненные бурей: три купеческих судна, трабакулы, как называют их здесь, были выброшены на берег. На мачте

одного из них, совсем разрушенного, развивался русский флаг. Капитан его, грек одесский, был у меня, рассказал бедствия своего крушения и просил переслать его и троих матросов в Одессу. Один из них, кажется, погиб.

В городе встретил меня австрийский чиновник, чтобы проводить на отведенную для ночлега квартиру; сзади его маленькой фигуры выдвигалась другая, безмолвно, но умильно на меня поглядывавшая. Когда немец пошел впереди, высокая фигура поравнялась со мною.

— Вам отвели ночлег не у наших; я бы просил вас к себе, — сказал он, робко оглядываясь.

— Мне все равно, где ни переночевать, — отвечал я, не желая возбуждать напрасных подозрений у своих гостеприимных хозяев-австрийцев.

— Когда пятнадцать лет тому назад вы пришли в Будву, никто не осмелился приютить вас... Я и тогда не побоялся немцев и принял вас к себе в дом.

— Нико! — воскликнул я, обрадованный встречей, и, теперь только узнавши его, обнял от души.

Слезы показались на глазах Нико. Обстоятельство, о котором напомнил мне он, случилось во время войны черногорцев с австрийцами, и именно после неудачных для последних сшибок. На этой-то войне я остановился в предшествовавшей главе, не желая касаться ее.

Само собою разумеется, что после этой встречи я поблагодарил маленького чиновника за его труд и, несмотря на все уверения его, что отведенная для меня квартира несравненно лучше дома Нико, отправился к старому знакомцу. И пошли на всю ночь рассказы, воспомина-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ния, сетования, и среди этого все-таки проглядывала изредка надежда, как луч солнца, как голубая проталина неба в бурную пору... Что за детская наивная душа южного славянина; коснитесь вы ее искренним, теплым словом участия, и она перед вами раскроется вся как на ладони. А ей бы, казалось, не быть сомкнутой, безответной на всякой призыв; она ли не была обманута, не прошла сквозь тысячи самых тяжелых испытаний! Значит, сберегла же ее на что-либо судьба от совершенного огрубения. Но боже правды! Когда же ты ее призовешь к жизни!..

В ту же ночь узнал я, что австрийский комиссар занемог, что его едва довели до Будвы. Товарищ его сказал мне между прочим, что майор Калик будет продолжать путь во что бы ни стало, что отказаться от поручения столь трудного, особенно в физическом отношении, он не может, что это показалось бы в глазах начальства малодушием и что он ни за что не допустит такого о себе мнения. Зная, как барон К. дорожил этим умным и дельным офицером Генерального штаба, я в ту же ночь написал ему очень откровенно как о болезни комиссара, так и о причине, по которой он решился все-таки ехать вперед, и просил назначить другого или оставить в этом звании его товарища.

На другой день я получил ответ генерала-адъютанта К., ответ самый дружеский, в котором он благодарил меня за то, что я поберег для них Калика, и извещал, что в тот же день отправляется комиссаром подполковник З.

От Каттаро до Будвы всего часа четыре верховой езды. Я выехал попозже, чтобы дать время З. догнать меня.

Будва, несмотря на свое назначение окружного города, имеет едва тысячу жителей, из которых 655 православного исповедания, остальные католики. Да и что тут делать жителям? Город совсем вдался в море своими скалистыми и негостеприимными берегами и словно сторожил, чтобы никто не смел пристать к земле: гавани нет никакой. Стены живописны своей стариной, но не выдержат и самой легкой бомбардировки; окрыленный лев Венеции мог ограждать жителей Будвы в прежнее время, а теперь разве от внезапного вступления черногорцев спасет их, и то еще сомнительно.

Мы остановились в Кастель-Ластве, часах в двух от Будвы, и закусили в казарме у гостеприимных австрийских офицеров. Казарма, как водится, здесь устроена из древней римской развалины, которой основание еще уцелело, но по нем трудно судить, что это было — укрепление или храм. Отсюда виднеется в море весьма живописный остров Св. Стефана.

Не дождавшись и здесь 3., мы отправились далее через Пастровичи. Пастровичи составляют ряд деревенок, расположенных у подножия Черногории, вдоль морского берега; в них не более 3 тыс. душ; но они играли всегда важную роль в истории края по духу и неустрашимости своих жителей. Они долго разделяли судьбу Антивари, но когда последнее принуждено было покориться Турции в 1571 году, оставленное венецианским вождем Александром Допато, пастровичане успели отстоять свою независимость, но остались под покровительством Венецианской республики, пользуясь своими особыми

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

правами, из которых многие удержали и поныне, несмотря на все стремление австрийского правительства подвести всех подданных своих под общий уровень.

Пастровичи напомнили многое из первой моей молодости. Надо же было случиться, чтобы и теперь, как тогда, пятнадцать лет тому назад, слышались здесь раздававшиеся выстрелы. Тогда это были кровавые сшибки на Пастровичской горе между черногорцами и австрийскими войсками... Теперь это было, как мы узнали после, славное дело Егора Петровича Негуша, дяди князя Даниила, некогда служившего в русской службе, того самого, который и тогда начальствовал черногорцами на Пастровичской горе. Негуш с 1500 черногорцами разбил наголову Мустафу-бея, который, наскучив продолжительным бездействием Омера-паши, двинулся вперед и с 5000 человек, частью пехоты, частью иррегулярных войск, напал на Годинье, селение в Церничской нахии. Турки лишились многих убитыми и одного из двух бывших при них орудий и отступили на свои границы.

Прошедшее встало передо мной живо, ярко, со всей обаятельною прелестью. Мудрено ли? Тогда, в 1838 году, мне было с небольшим двадцать лет. В первый раз, что я встретился с опасностью, в пылу битвы, — это было на Пастровичской горе. А торжество победы, а удовольствие очутиться здоровым и невредимым после кровавого дела, особенно если оно было первое и с ним еще не свыкся, а пированье черногорцев, отягченных добычею своею!..

Но оставим прошедшее, иначе оно увлечет нас бог знает куда, и поторопимся к границам, отделяющим австрийские владения от турецких: они обозначались с этой стороны австрийским блокгаузом, где помещался взвод солдат, уже предуведомленных о нашем приближении и отдавших мне все военные почести. Со стороны турецкой границы были совершенно открыты. Природа и жители имели общий характер, но уже от первого шага на турецкую землю заметно было изменение администрации. Дорога прекращалась, и мы следовали по тропе, протоптанной мулами. Спиц, или Спич, — первое племя, которое встречается путешественнику при переходе в Турцию. Оно состоит из пяти-шести деревень, расположенных на каменистой горной почве и ничем не отличающихся от соседственных им деревень черногорских. В них считается с лишком три тысячи жителей, из которых большая часть православного исповедания, остальные католики. Они сохранили некоторую независимость, и ни один турок не осмелится поселиться между ними, да и едва ли в совершенной безопасности посетит их. Некоторые думают, что они обязаны этой свободой фирману одного из султанов, испрошенному его садовником-любителем, родом из Спича; дело в том, что спичане — известные садовники, их много в Константинополе и даже в садах султанских; да им у себя и делать нечего, потому что земля не дает хлеба, только старики да женщины остаются дома и занимаются огородами; но, сколько мне известно, ни какого фирмана и изъятия в пользу спичан не существует. Они обязаны относительной свободой сво-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ей храбрости и соседству черногорцев, с которыми православное население всегда готово вступить в союз.

В Спицах несколько церквей; они находятся гораздо в лучшем положении, чем в других деревнях Турции. Две весьма древние церкви, сохранявшиеся от времен славянских властителей, на развалинах Ратаца, привлекают к себе жителей всей Далмации, Черногории и Албании, без различия вероисповедания православного и католического. Особенное стечение народа бывает в день празднества святителей, во имя которых они построены, в августе и сентябре месяце. Вид этих церквей и самых развалин на вершине горы очень живописен.

Подъезжая к Антивари, мы нашли уже низменности потопленными и должны были отыскивать проезд по предгорью, продираясь между колючим кустарником, который изорвал нам платье, исцарапал лицо и руки. Только поздно вечером приехали мы в католический монастырь или, правильнее, в дом, занимаемый двумя францисканскими монахами, находящийся на горе, в прекрасном местоположении, в версте от города, грязного и вовсе не манившего нас в свои недружелюбные стены.

Монахи знали уже о нашем приезде. Ужин и постели были приготовлены. Изнеможенные, мы только и мечтали о постели, или, правильнее сказать, мечтал я, потому что спутник мой ни за что не хотел отступить от ужина; но ужин не являлся. Старший из монахов ходил как шальной. Да где же полковник З.? — спрашивал он меня беспрестанно тоскливым голосом. Да что с ним

сталось? — повторял он беспрестанно, ломая руки. Можно было думать, что он, привыкший к беспрестанному насилию и вероломству людей, среди которых жил, подозревал и нас в чем-то недобром. Надо было не знать З., этого честнейшего и добрейшего человека, чтобы предполагать какую-нибудь возможность сделать ему зло.

Было уже около полуночи; я дремал, когда послышавшийся шум, лай собаки и всеобщее движение возвестили во всем доме о приезде австрийского комиссара, встреченного с особым почтением монахами, состоящими под покровительством Австрии и ее консульств. З. попытался было покоситься на нас за то, что мы не дождались его в Будве и он принужден был гнаться за нами сломя шею (в день сделать около 50 верст верхом ему казалось подвигом), но вскоре не выдержал несвойственной ему роли, и наши приязненные отношения восстановились. Кому же бы он, в самом деле, рассказал о неисчислимых приключениях этой ночи, если бы вздумал сердиться на меня? Не тупоумным же монахам!

Кстати о католических монахах: на другой день я видел епископа, приехавшего из окрестностей поклониться столь небывалым посетителям края (я разумею австрийцев); впоследствии часто встречался я и с другими монахами различных орденов и всегда был поражаем не столько их невежеством, сколько тем влиянием, которым они, при всем своем невежестве, пользуются в народе своего исповедания. Если православные священники, еще более необразованные и загрубелые, уважаются

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

между своими, то это понятно: они храбры — всегда впереди во время боя и избираются из лучшего происхождения, но чем берут монахи католические? Думаю, деньгами, а главное, союзом между собой и покровительством правительств, которые видят в них политические орудия и потому всячески поддерживают их.

Я сошелся с З. еще в прежние свои поездки в Каттаро, и как было не сойтись с этим человеком: к обыкновенной доброте своей и честности он присоединял еще образование и даже ученость. Он был воспитателем в военных науках принцев Кобургских, жил при дворах мадридском, лондонском и некоторых из германских. В столь памятный 1848 год ему дали полк в Венгрии и за какое-то неудачное дело послали комендантом в Каттаро. Он только о том и мечтал, чтобы выбраться из этой дикой и варварской стороны, как выражался он.

Сколько ни случалось мне быть в сношениях с австрийскими офицерами, я большею частью находил в них людей честных, добрых, лично храбрых и нередко образованных; они связаны между собою духом единства, корпорации и безусловной преданности отечеству и знамени — разумеется, я говорю об офицерах-немцах. Излишняя систематика, а главное, непривычка к перенесению трудов и несколько материальная привязанность к жизни губят их во время военных походов и битв.

Сколько ни случалось приходиться в соприкосновение с австрийскими чиновниками, всякий раз как бы какая невидимая отталкивающая сила отбрасывала нас немедленно далеко один от другого и только разве

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

крайность заставляла опять сходиться. Австрийский чиновник смотрит на каждого подходящего к нему как на своего врага, имеющего покушение на его власть, на его место, или как на свою жертву; он хочет на просителе или просто на человеке, поставленном с ним в сношения, выместить все свое отчуждение от общества, мало — все, что он терпит от своего начальства и от своей жены. Конечно, встречаются и между ними люди умные, образованные, честные, но все это отлито у них в такую форму, что самим немцам становится от них жутко. Легко себе представить, каково приходится от этих господ иноплеменным подданным Австрии. Сословие военное и сословие чиновничье в Австрии составляют как бы две различные касты.

ГЛАВА VIII

Антивари; его положение, число жителей и их происхождение. — Политическая возможность и естественная потребность присоединения Антивари к Черногории. — Дорога в Скутари. — Трудности перехода по наводненной долине. — Скутари — город и крепость. — Великолепный вид и обыкновенная история.

Антивари, расположенный на возвышении, окруженный прекрасной долиной с фруктовыми и оливковыми деревьями, составляющими главный доход жителей, и с развалинами цитадели, господствующей над всею окрестностью, представляет весьма живописный вид из загородного дома, где мы жили; но внутри город грязен, тесен, с улицами, по которым едва пройдут три человека рядом, — одним словом, Антивари даже хуже многих других турецких городов. В нем около 4 тыс. жителей, по свидетельству Гекара, французского консула в Скутари, изучавшего край в течение нескольких лет и издавшего в последнее время подробное его описание (*Histoire et description de*

la haute Albanie, par Hyacinthe Hecqard etc.). Из этого числа около 2500 мусульман, а остальные, православные и католики, кажется, в равном числе. Лев св. Марка, уцелевший кое-где на обломках камней и стен, и гербы древних фамилий венецианских патрициев сопутствовали нам и здесь.

Антивари отстоит верстах в пяти от моря и от своей гавани, куда еженедельно заходит пароход Ллойда и где, кроме дома его агента и самого отвратительного хана, нет никакого жилища. Говорят, однако, что прежний Антивари стоял на берегу моря, но беспрестанные нападения и грабежи пиратов заставили его отодвинуться подалее от враждебной для него стихии.

В первый раз имя Антивари упоминается в актах Далматийского собора, бывшего в 877 году; в то время он уже служил местопребыванием епископа, который зависел от митрополии Диоклейской. Впоследствии он подвергался всем превратностям здешнего края; находился под скипетром греческих императоров; несколько раз составлял одну из отдельных республик, которых было много здесь, и из них еще некоторые уцелели, хотя в измененном виде; признавал над собою власть сербских королей; наконец, в начале XIII века добровольно подчинился всеокрушающей силе Адриатической республики, и хотя потом подпадал под временную власть королей Венгрии и Бальшов, владетелей Зеты, но все-таки возвращался к Венеции. Последняя половина XV и первая XVI века была эпохою мира, тишины и благосостояния Антивари, это время довольно значительного и богатого города. В 1570-м Ан-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

тивари, предательством венецианского генерала Донато, который вывел отсюда свои войска, узнавши о приближении неприятеля, подпал под иго турок. Правда, город сдался на весьма выгодных условиях, но известно, что турки признают и соблюдают те только условия, которые выгодны для них. Впоследствии некоторые венецианские правители Далмации пытались возвратить независимость Антивари, но попытки их оставались безуспешны.

Для Антивари еще возможны и прежняя его деятельность и прежнее благосостояние, но, конечно, при других условиях существования, чем нынешнее. Демаркационная комиссия Черногории и Турции, состоявшая из представителей пяти главнейших держав, конечно, могла убедить свои правительства, что самое точное определение границ Черногории (если оно только возможно в натуре) не обусловит еще политического существования ее и не водворит в ней мира. Действительно, нормально ли положение страны, для которой при первом на нее неудовольствии двух соседственных держав, часто по капризу паши, закрывается выход из нее жителям, не имеющим у себя первых потребностей существования. Сколько раз, по случаю невыдачи какого-нибудь беглеца, которого, может быть, не могли и отыскать в Черногории, по случаю потравы полей черногорским скотом, ссоры двух пограничных племен, закрывались для всех черногорцев, без изъятия, те немногие базары, которые ей открыты в австрийских и турецких владениях, и страна среди всеобщего мира гибла от голода или принуждена была по необходимости добывать себе хлеб

и соль силою оружия. Если подобный порядок вещей не повторяется беспрестанно, то причиною тому еще слабость местных пограничных Черногории властей и сочувствие к ней народа, который боятся раздражить.

Трудно дать правильную организацию стране, не обеспечив ей даже физического существования. Предоставьте свободной исход ее деятельности, и она, конечно, променяет ружье на менее безопасное орудие для добывания средств жизни. Посмотрите, много ли черногорцев умирает своею смертью, и неужели это обстоятельство не заставит призадуматься европейских дипломатов. Разбейте же эти железные затворы черногорцев; дайте им море, дайте хоть один порт, куда бы они могли безбоязненно во всякое время привозить скудные свои произведения и где бы могли запастись всем необходимым для первых своих потребностей. Это народ здоровый, сильный, мужественный; борьба с морем заменит ему вечную борьбу на земле и доставит гораздо больше выгоды. Конечно, он предпочтет первую, потому что она и прибыльнее для него и все-таки не подвергает жизнь такой опасности. Вспомните, как еще недавно процветали здешние приморские республики: Рагуза, Каттаро, Антивари, не говорю уже о всеильной некогда Венеции. Море было источником их богатства.

Во время продолжительных войн в начале нынешнего столетия город Каттаро, завоеванный со всею приморскою страню французами, был наконец исторгнут из рук их черногорцами, при незначительном пособии русских. В продолжение всей войны черногорцы принима-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ли деятельное участие, помогая союзникам; они же взяли приступом Рагузу, и в то время, когда французы всюду торжествовали, один владыка Черногории, Петр Негуш, по сознанию самого герцога Мармонта, ни разу не потерпел поражения; но это торжество куплено большими жертвованиями; много крови было пролито на стенах Каттаро, и потому по взятии его он был сдан святопочившему Петру как законная его принадлежность. Владыка перенес сюда из Цетина свое местопребывание.

Личный характер владыки совершенно соответствовал этому назначению. Умный, храбрый, деятельный, бескорыстный, он приобрел к себе безграничную любовь и доверенность черногорцев и соседних приморьян и по смерти причислен к лику святых всею странюю. Край начал свое перерождение. Прекрасная будущность развивалась перед ним, как вдруг, без согласия страны, без всякого участия со стороны Черногории, которые пролили столько крови своей в защиту общего дела, Европейский конгресс при заключении мира в Вене, определил отдать Бокко-ди-Каттаро вместе со всею Далмацией Австрии. Замечательно, что именно только австрийская кровь и не проливалась в этой стране, и потому тем большее было для нее подобное решение. Пусть бы еще какие-либо важные политические соображения или необходимость принудили к такой необыкновенной уступке — в политике, говорят, допускаются многие несправедливости, — но нет, это было делом случая, или, правильнее, делом личностей, участвовавших в Венском конгрессе.

Владыка решился отстаивать свои права. Народ и справедливость были на его стороне. Узнавши о приближении австрийского отряда, весь край вооружился. Черногорцы готовы были вступить в новую, весьма неравную борьбу, но увещания русского кабинета спасли, по крайней мере, страну от бесполезного кровопролития.

Мы изложили здесь этот исторический факт без всякого намерения укора... Прошедшего не вернешь! Мы просто хотели доказать, что не только крайняя необходимость, но даже и справедливость требует вознаграждения Черногории открытием ей если не Каттаро, то другого порта.

Относительно Каттаро могут заметить, что он слишком врезывается в нынешние владения и воды Австрии, хотя в заливе Бокко-ди-Каттаро нашлось бы довольно места для помещения всего европейского флота.

Уступка Черногории порта Антивари с прилегающим к нему племенем Спича присоединили бы к ней не более 8000 жителей, но придали бы ей важные физические силы, и тогда бы европейские державы, упрочив ее существование, действительно принесли бы пользу человечеству и избавили народ от нищеты и бесполезно проливаемой крови. Теперь же они только поманили его надежды и разожгли взаимную вражду обеих сторон. Все их вмешательство, умственные и денежные усилия потрачены напрасно. За потерю Спича Черногория могла бы вознаградить Турцию уступкой ей племен Кучи, и обе стороны выиграли бы от этого размена. Турция

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

приобрела бы население частью магометанское и округлила бы с этой стороны свои владения, изрезанные черногорскими землями. Черногория приобрела бы племя единое и ей сочувствующее и выглянула бы наконец на свет божий из преград своих, устроенных природой и человеческими ухищрениями.

Такой обмен столько же удобен в политическом, как и в географическом отношении. Австрия хотя бы здесь отделялась от границ Турции и приобрела бы себе соседство страны довольно слабой, чтобы тревожить ее границы, и вместе с тем слишком мужественной и не терпящей турок, чтобы принять и выдержать первый натиск их, если они вздумают нарушить ее нейтралитет.

Порт Антивари очень хорош; только от северного ветра он мало защищен. Дорога отсюда в Скутари, или, правильнее, тропа для вершников и пешеходов, пролегает через Добраводы — ряд деревушек с населением около тысячи человек, из которых почти половина православных. Самое название места показывает, что оно обильно прекрасными водами, скатывающимся быстрыми ручьями с гор.

Далее следует Мирковичи, или Мерко, магометанское, огрубелое племя, живущее в лесистых ущельях и промышляющее переноской леса в Дулциню. Лесной товар мог бы составить предмет важной европейской торговли, но местные жители, при недостаточности своих средств, не в состоянии вывозить из гор огромные деревья, годные для постройки кораблей, которыми изобилуют ущелья, и они погибают без пользы. Хотя

Мирковичи давно приняли магометанство, однако, говорят, в горах видны кое-где уцелевшие развалины церквей; в самых нравах жителей сохранились еще христианские предания; таким образом они празднуют день Николая-чудотворца и даже воссылают ему молитвы на славянском языке.

Нигде не видал я такого, можно сказать, леса лавровых деревьев, как от Антивари сюда, по горным склонам. Но если наш путь был труден в этой чаще, то он сделался невыносим далее, где дорога выходит на долину Ама-Мали: она решительно была вся под водою, небольшие мосты, перекинутые через быстрые ручьи, исчезали под нею; только особая зыбь на воде указывала, что тут река и надо искать мост, потому что броду более не существовало. Инстинкт лошади и сметливость вожатого угадывали остальное, но не всегда удачно, и раза два вожатый наш обрывался в быстроту реки и однажды чуть не погиб с лошадыю. Мы постоянно ехали водой, иногда по колена лошади, иногда по брюхо. Сверху лил дождь. Мы промокли до костей. Лошади то и дело спотыкались, не видя ничего, кроме воды под ногами; каждый из нас несколько раз свалился с лошади. Мы решительно изнемогали, и негде было приютиться, чтобы отдохнуть: всюду вода! Самая Бояна, довольно большая, историческая Бояна, исчезала в этой массе воды, и вожатые наши только по некоторым приметам могли указать ее и подать надежду на скорое приближение к Скутари. Наконец показался и самый город!

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Пять лет тому назад еще не было ни одного русского консульства, ни агентства в здешнем краю, и мы направились между длинным рядом лавок крытого базара и по бедным переулкам столицы Албании к дому австрийского вице-консульства.

Боже, в каком виде мы сюда пришли и как были благодарны за радушный прием и теплые постели, приготовленные для нас хозяином дома. На ту пору мы совсем забыли личные убеждения и характер австрийского вице-консула, слишком преданного интересам иезуитов и Рима, до того преданного, что он навлек на себя впоследствии даже подозрение своего собственного правительства.

Скутари европейских карт, Скодра по-албански и Искандрие по-турецки, составлял в древности римскую колонию. По разделении Римской империи он достался на долю греков. В VII веке, когда сербы с согласия императора Гераклия поселились на берегах Далмации, они заняли и Скодру, который оставался у них до 1368 года; но в этом году Бальцы, или Бальши, владетели Зеты, завоевали Скодру. Когда же явились на поле действия венецианцы, то не только Адриатическое приморье, но и страны, несколько в глубь земли вдавшиеся, не могли не испытать их влияния и не ощутить гнета их правительства, более или менее тяжелого, согласно предприимчивости и духу независимости местных жителей. С 1401 по 1477 год Скодра была полем битв и предметом споров королей Венгрии, владетелей Зеты, родоначальников нынешних владетелей Черногории, дожей и сул-

танов Турции. Наконец, несмотря на славную защиту Лоредино, принудившего турок удалиться со стыдом от стен города, численность последних все-таки превозмогла, и, когда они явились впоследствии, город сдался на особых условиях, ныне забытых победителями, но жители Скутари помнят их.

Положение Скутари так выгодно, что, несмотря на то что он два раза был разрушаем до основания (развалины еще видны) — раз варварами, в другой раз турками, — Скутари и в настоящем его виде представляет один из самых больших городов и самых живописных во всей Турции. В нем, по предположению Гекара, считается до 38 000 жителей: из них 12 000 католиков, 500 православного исповедания, остальные магометане (Ган (Albanische Studien) полагает в Скутари: 16 000 албанцев-магометан, 13 000 католиков, 1500 православных и 1600 турок-магометан и цыган. По сведениям, которые мы получили от местных жителей, и то и другое число жителей несколько преувеличено). Базар состоит из огромного числа лавок, простирающихся до 1500. В середине, как во всех турецких базарах, безестан, где хранятся драгоценные товары. Раз в неделю сюда собирается вся окрестная страна для торговли. Прежде это было в воскресенье, но католический епископ и консулы католических держав настояли, чтобы изменили такой порядок вещей и назначили для базара будний день; такое нововведение очень неудобно для рабочего класса людей!

Если хотите насладиться одним из великолепнейших видов, взойдите на Розафу, старинную цитадель, защи-

щающую город и возвышающуюся над ним на 400 футов. Что за чудный вид! У ног ваших широко раскинувшийся город, с бесчисленными минаретами, с разбросанными среди города кладбищами или одиноко возвышающимися где-нибудь на перекрестке могильными камнями, (предмет суеверных преданий и страха прохожих) с отдельными купами домов в садов, в беспорядке разбросанными, так что улицы образовались по случайностям, а ничуть не по предварительным соображениям городских властей; по тому же случаю улицы эти довольно широки, хотя, конечно, кривы, извилисты и местами превращаются в небольшие площади.

Город точно опоясан двумя реками: Кири и Бояной. Каменный, смело перекинутый дугой мост через первую из них кажется висящим в воздухе. Далее — равнина вод озера Скутари, то окаймленного высокими горами, то сливающегося с долинами, усеянными деревеньками. Разлив вод придавал еще более красоты картине; яркое солнце как бы вырывалось из-за туч, так долго заслонявших его, и грело и светило с удвоенной силой, под которой так быстро и роскошно развивается природа на юге. Февраль месяц еще не кончился, а розы уже цвели, и аромат их, смешанный с испарениями вод, влажный, ласкающий, так и располагал к неге и бездействию, в которых утопают турки. Да, разве нужда или сильная воля человека, окрепшего в сознании своего долга, заставят его здесь трудиться духом или телом, и уже конечно не турку выбиться из-под влияния этой чарующей атмосферы

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

и не ему совладать с самим собою и своими страстями, разжигаемыми Кораном и пророком.

Цитадель, или крепость, основана сербами. С постройкой ее соединено предание, общее как на Востоке, так и в Европе. Постройки крепости не шли вперед; что сооружали в течение дня, то разрушалось ночью. Наконец прибегли к старику, слышшему за мудреца, и спросили его, что делать. Мудрец отвечал, что надо заложить в стену живое существо — мужчину или женщину, — кто первый явится утром. Случилось, что это была женщина, и, в подражание другим преданиям этого рода, женщина, кормившая грудью ребенка, а потому в стене, в которую заложили ее, оставили отверстие по ее просьбе, так что она могла продолжать исполнять обязанность кормилицы, и говорят, ребенок находил у груди ее пищу еще в течение нескольких месяцев. Если вы пожелаете, вам покажут белое пятно, где было отверстие.

Венецианцы исправили укрепление и пристроили бастионы. Лев св. Марка красуется еще на главном входе в крепость. Теперь все ветшает и рушится; турки ничего не поддерживают, ничего не создают. Крепость, впрочем, по положению своему довольно неприступна; цистерны ее наполняются дождевой водой, и если она будет снабжена припасами и хотя несколько лучше вооружена, чем теперь, то может выдержать продолжительную осаду.

ГЛАВА IX

Важное событие. — Один из многих опытов веротерпимости в Турции. — Осман-паша Скутарийский. — Озеро Скутари; его острова, окрестные горы, долины и племена: Вранина, Лиссандра, Жабляк; племена Готи, Кастрати и Клементи. — Ночлег. — Приверженность христиан православного исповедания к России. — Права равенства и тождественность обрядов христиан и мусульман.

Ночью я был разбужен повторным стуком в ворота, лаем дворовых собак и поднявшеюся вслед за тем суматохой в доме. Зная дух городов турецких вообще и Скутари в особенности, Скутари, которого кварталы, разделенные взаимной враждой гораздо более, чем полицейским управлением, нередко ходили войной один на другой, я полагал спросонок, что буду свидетелем подобной международной сцены, но вскоре заметил, что ошибся. Шум утих, только слышно было скрип дверей и шорох спальных туфель в доме. Ко мне в комнату, однако, никто не стучал, а потому я последо-

вал примеру своего спутника, спавшего непробудным сном, и крепко заснул.

На другой день отправился я в общую комнату, — никого не было; я пошел в спальную З. и нашел тут все собрание, шепотом, но с жаром о чем-то рассуждающее. Шепот смолк, как скоро показался я в дверях. Вытянутые лица, утомленные бессонницей глаза говорили ясно, что не все благополучно. Что бы могло случиться? — думал я, ожидая, что кто-нибудь выскажется; но разговор кружился на обыкновенных предметах. Я заговорил было о необходимости скорее отправиться в главную квартиру действующей армии, но З. объявил положительно, что в тот день никак нельзя было ехать по случаю каких-то ничтожных обстоятельств, о которых и поминать не стоило: З. не умел обманывать. Нечего делать, надо было с терпением ожидать разгадки события, которого мы не могли проникнуть. В армии воюющих сторон ничего не могло случиться особенного, иначе, конечно, мы узнали бы скорее, чем австрийцы.

Мне крайне надоедала эта таинственность. В комнате ходили тихо, говорили шепотом, словно в доме лежал тяжелый больной или разрешалась от бремени женщина. Наконец к вечеру прискакал курьер, и загадка разъяснилась.

Курьер, приехавший ночью, привез первое известие о покушении на жизнь императора Франца-Иосифа. По-видимому, известие это было писано из Вены впопыхах, в первую минуту после того, как узнали о нанесенном ударе кинжалом и еще не были уверены в том, что

он не смертелен. Гонец, приехавший на другой день уже, успокоил всех: депеши и письма утверждали, что рана несмертельна, хотя и может оставить последствия. На другой день служили благодарственный молебен в доме вице-консула. Несмотря на то что в городе до 12 000 жителей католиков и местопребывание епископа, несмотря на все усилия вице-консула и католических миссий в Константинополе, не могли исторгнуть дозволение турецкого правительства на построение здесь католической церкви. Народ собирается для молитвы в открытом поле, поросшем кустарником и крапивой, где под навесом из трех-четырех досок устраивают алтарь на время божественного служения, которое очень часто прерывается нападением фанатиков-турок на молящихся, и алтарь обгагрывается кровью.

Православные, как ни малочисленны, имеют церковь, исторгнув право на нее во времена своей силы. Церковь ветха, несколько раз была ограблена и потому бедна. В прошлом году послано для нее из России несколько книг и церковных утварей. Говорят, французский консул Геккар, деятельный труженик политики и религии на Востоке, добился также того, что паша дозволил строить католическую церковь; теперь надо еще достать средства. В Турции христиане нищие, и на поддержку их рассчитывать нельзя, при всем усердии их к храму Божию.

До 1856 года, как я уже сказал, не было наших консулов ни в Албании, ни в Боснии, ни в Герцеговине, и, при одинаковой почти нетерпимости всех исповеданий на

Востоке, православные нигде не находили себе покровительства и защиты против гонения и насилий турок. Правда, нередко все усилия европейских консулов разбиваются в прах об закаленный невежеством фанатизм пашей, но все-таки иногда еще достигают цели, особенно если консулы выполняют свои обязанности с тем терпением и, можно сказать, самоотвержением, какого требует их важное предназначение.

Совершенную безопасность христиане находят только в горах, где образовалось с незапамятных времен несколько отдельных одна от другой общин, управляемых своими капитанами, звание которых наследственно, но власть очень ограничена, потому что все дела решаются хотя в его присутствии, но общим советом старшин и, в случаях важных, всем народом. Иные из этих республик совершенно независимы и находятся в постоянной борьбе с Турцией; другие признают над собою некоторую ее власть, но под неизбежным условием, чтобы ни один турок не селился на их земле; иные православные, другие католические; между последними — самая сильная Мирдиты. У них, впрочем, сохранилось много обрядов православной церкви и даже большая часть образов греческой живописи.

Нельзя не сознаться, что здесь религия сказывается только исполнением одних наружных обрядов. Мирдиты, например, строго соблюдают посты, чтят своих католических священников, ходят в церковь, но не знают ни одной молитвы, ни за что не отступят от кровомщения. У них, между прочим, есть обычай, что капитан или пра-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

витель всего их народа не может жениться на христианке, но непременно должен похитить или отбить себе жену у турок-магометан и потом обратить ее в католическую веру. Турчанки без больших усилий делаются христианками, и в Ороше, резиденции мирдических капитанов, большая часть женщин из этих прозелиток. Только строго соблюдаемые обряды и предания, заменяющие все писанные законы, сохраняют нравы здешних жителей во всей чистоте и патриархальной простоте.

В Турции судьба христиан и вообще судьба жителей всякой провинции, не охраняемых ни законом, ни высшею правительственною властью, зависит совершенно от личности местного паши или мудира. Осман-паша, генерал-губернатор Северной Албании, сын Мустафы-паши, который в бытность свою в Белграде ознаменовал себя невероятными жестокостями; сами турки с ужасом, хотя не без удовольствия, рассказывают о них. Осман-паша гордится тем, что происходит от древней боснийской фамилии и одной из графов итальянских, которых прабабка была взята в плен и досталась в гарем его предку. Владея местными наречиями, зная нравы и обычаи управляемого им народа, он, при всей своей скрытой жестокости и при врожденном корыстолюбии, сумел удержаться долгое время пашой; его не убили, хотя были покушения на жизнь, и не сменили, хотя и было за что.

Мы не застали Османа в Скутари — он был в лагере Омер-паши вместе с отрядом своих иррегулярных войск. Впоследствии мы видели его вместе с этим главнокомандующим турецкими войсками, и Осман-паша своею ве-

личавою наружностью и благородными манерами, которые как бы прирождены каждому, из детства носящему оружие, для того чтобы иметь возможность всякую минуту защитить свою честь от постороннего посягательства на нее, — Осман-паша, говорю, много выигрывал при сравнении с Омер-пашой.

Нас встретил и сопровождал один из помощников Осман-паши, также славянин, который дорогою порассказал нам многое о своем начальнике. В Турции сборы в путь нележки; за что нихватишься — нет! Вас утешат тем, что было, да исчезло, или что надо непременно завести на будущее время недостающее. Так и теперь случилось: порядочной лодки не нашлось, чтобы совершить плавание по Скутарскому озеру, хотя люди всю жизнь живут у озера. Нечего было делать, надо было ехать на ондре, или лондре, — это плоскодонное судно, которое при первом порывистом ветре опрокидывается. Как водится, нас при этом случае уверяли, что ветру не может быть.

Едва отчалили от берегу, как забыли и об утлом судне и обо всей кутерьме, сопровождающей отъезд в Турции. Вид был чудный! Прелесть швейцарских и тирольских озер составляют горы, кругом окаймляющие их. Не то здесь! Горы восстают только местами из-за водной глади и отдельными живописными группами рисуются на дальнем горизонте; большею же частью гладь водная сливается с равниною, уже покрывавшеюся местами, где вода стекла, зеленью и красиво перемешанными купами деревьев и домов. Вообще долина северо-восточная, от

озера до Подгорицы, считается самую плодородной и богатой.

Как бы для того, чтобы оживить эту обширную равнину вод, на ней разбросано несколько красивых зеленых островков, которые здесь именно для того только, чтобы озеро не казалось пустынным: пользы они почти никакой не приносят, только служат приютом для черногорцев во время их пиратских набегов на турецкие берега. В самом крайнем углу озера, против черногорской нахии Реки, лежат два небольших островка — Вранина и Лиссандра: эти не так красивы, зато и не пустынные. Они часто оглашаются звуками оружия и криками сражающихся. Невдалеке от них возвышается, как воронье гнездо, на скале турецкая крепостца Жабляк. Острова принадлежали некогда черногорцам; захваченные врагсплох, среди общего мира, и в то время, когда все спали, глубокой, темной ночью, эти острова сторожатся гарнизоном и двумя единственными на озере военными судами. До сих пор покушения черногорцев вернуть свою собственность оставались безуспешны, но они не потеряли надежды достигнуть своей цели.

Острова эти, как, по-видимому, ни ничтожны они, важны для черногорцев тем, что в этот угол Скутари и особенно в устье р. Черноевич набивается в известное время года густая масса скоранцы, которую черпают отсюда, словно из чана. Скоранца — род мелкой сельди или сардинок. Она развозится по всем берегам Далмации и Италии и составляет почти единственный источник промышленности черногорцев. Теперь они занима-

ются ловлею и солением этой рыбы нередко под выстрелами турецких пушек.

Жабляк, несмотря на видимую неприступность, был также несколько раз в руках черногорцев; еще недавно взяли они его при помощи одних своих ружей и кинжалов и отдали туркам только по настоянию европейских агентов.

При виде этих мест, столько раз опустошаемых и омываемых самою чистою кровью, при звуках вдали раздававшихся выстрелов, и наконец приближаясь к полю отчаянной битвы, невольно приходят на мысль слова прекрасной черногорской песни:

Закукале црна кукавица
На средь тврди Скадра, на Бояне,
Да се много досад закукале
От Србачне руке и оружья.

Случилось, что один из гребцов, славянин-католик, знал эту песню (черногорец всякий знает ее). Мерно и тихо, под всплески весел, покатилась, словно бисер, эта длинная песня.

По ту, по восточную сторону озера расположены деревеньки двух по преимуществу католических племен — Кастрати и Готи; в первом из них до 4500 жителей, между которыми около 1000 магометан, во втором — 4000, между ними 500 магометан; оба славянского происхождения.

Готи считаются храбрейшим племенем в Турции. Несмотря на малочисленность, байряк или знамя его во время войны идет вторым за Мирдитами, или, правильнее, находится на левом, почетнейшем фланге его. Оно также довольно богато; источником их богатства главнейше служит Гумское бласто, или принадлежащая готцам часть залива Скутарского, куда заходит скоранца.

Племя Готи, о котором часто упоминается в истории войн здешнего края, и в последнее время имело влияние на участь Скутарского пашалыка; оно нередко поддерживает возмущившихся пашей, входит в сделки с правительством, принимает сторону племен Черногории во время войн против нее. Раздраженное изменой скутарийцев, когда оно в 1832 году во главе других горных племен шло на цитадель города, отомстило в следующем году самым кровавым образом. Войско султана вместе с жителями Скутари, в числе 5000, шло к Подгорице, чтобы подать городу помощь против Черногории. В дефилеях Готи жители этих гор напали на войско, более 1500 положили на месте, остальных разогнали. Битва эта очень памятна в здешнем краю, она заставила турецкое правительство бояться и уважать воинственное племя Готи. Только этим путем жители Турции и могут себе добывать хотя некоторые права, предоставленные всем людям на земле, как, например, свободу вероисповедания, неприкосновенность семейных отношений и другие. Готи находится в каком-то исключительном положении и в отношении местных магометан, которые здесь ладят

более со своим католическим племенем, чем с правительством султана.

Южнее примыкает козеру другое католическое племя — Кастрати; оно обязано неприступности горы Велечик сохранением своей первоначальной независимости. Впоследствии, уже усилившись числом, оно распространилось и по долине Байцы, встретив, однако, тут сильное сопротивление турок.

В том же вассальном отношении к своему правительству находится и лежащее за Кастрати племя Клементи, оно не платит гарача, но поставляет войско в случае войны. В нем 3300 католиков и человек 150 турок.

Таким образом, мы видим по восточную сторону господствующую верой католическую, но на север, ближе к Черногории, весь Подгорицкий округ почти исключительно православного исповедания, за исключением турок, живущих по городам. Зетская долина, как я уже заметил, считается плодороднейшей во всем пашалыке, но здесь христиане — раия; открытые отовсюду и угрожаемые крепостями и городами Жабляк, Спуж и Подгорицы, они находятся в самом жалком положении, в нищете; изредка только, когда притеснения и насилия доводят их до крайности, они с ожесточением восстают против врагов своих и, подавленные численностью, тысячами гибнут от мстительного фанатизма турок.

Вышедши из лодки, мы имели первый привал в Белополье. Это было в хане, нечто вроде постоялого двора, содержимом турком. Хан, как и большая часть домов в Албании, состоял из двух этажей: в нижнем, состоящем

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

из сарая, содержится скот и свалены разные принадлежности домашнего обихода; в верхнем помещаются посетители. Было уже темно; среди комнаты на каменной плите пылал огонь, нас человек десять, порядком прозябших в сырой избе, окружали огонь, кто дремал, кто рассуждал с хозяином; по стенам были развешаны между всяким хламом ружья и пистолеты, по которым перебегал, как бы играя, свет пылавшего костра. По углам господствовал мрак, и только изредка, когда огонь становился ярче, сверкали пара черных глаз и заткнутые за поясом пистолеты. На костре жарился целый баран на палке; два провожавших нас турка, не дремая, бодрствовали над ним, поминутно перевертывая вертел и с наслаждением вдыхая в себя заманчивый запах сала. Все вместе — и лица, и разнообразие костюмов, и обстановка — представляло очень живописную картину, но надо сказать, что положение участвовавших в ней было совсем непривлекательно и далеко от того комфорта, которым каждый из нас пользовался даже в Скутари.

Мы расположились спать, не раздеваясь, конечно, на полу, подослав под себя часть шинели и укрываясь остальной частью. Нам еще это легко было сделать с своими обширными офицерскими шинелями, но каково австрийцам! Напрасно З. старался извлечь сколько возможно больше пользы из своего толстого пальто, он то и дело вертелся в нем: то, прикрывая ноги, обнажал плечо, то, натягивая на прозябшие плечи, предавал на жертву холоду ноги. Это подало повод к разговору о превосходстве наших шинелей офицерских и солдатских перед

австрийскими. З. говорил, что это превосходство было признано всеми военными во время Венгерской кампании, когда нашим и австрийцам приходилось часто bivакировать вместе.

В течение всей ночи кто-нибудь из нас приподнимался, чтобы поддержать огонь, и едва забрезжил свет в щели дверей и ставней единственного окна, и то без стекла и даже без бумаги, как мы все встали, торопясь покинуть негостеприимный кров.

Дорогою до Подгорицы мы почти нигде не встречали поселян: они прятались от нас. Но едва я отбивался в сторону один, далеко от сопровождавших нас турок, как откуда ни брался бедный раия тайком, украдкой крестился, кидался ко мне, целовал полу моего платья и исчезал, прежде чем я успел произнести ласковое слово.

Едва ли кто из европейцев, не бывших в здешнем краю, поверит, что такое изъявление чувства к христианину, наверно, стоило бы жизни бедному раие, если бы его заметил турок, но так безгранично это чувство, что многие рискуют своею жизнью только для того, чтобы сказать своему семейству, что он прикоснулся к русскому. Такова сила предания и веры.

Все бедствия раиев происходят оттого, что у них отняли оружие. Не хати-гумаюном можно уравнивать права христиан и мусульман; кто думает, что в Турции закон имеет какую-либо обязательную силу, что это не совсем мертвые буквы, тот, значит, вовсе не знает Турции. Если европейцы действительно желают сравнения прав всех

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

подданных Турции, если этот вопрос, с которым соединено существование части людей — христиан, хотя различного исповедания, действительно близок их сердцу, а не составляет предмет дипломатического упражнения, то они должны настоять, чтобы христианам было предоставлено тоже право носить оружие, как и туркам. Горные христиане ценою своей крови отстаивали себе это право и живут с турками, замешанными между ними, без всякой вражды, без различия религиозного. Мусульманин, например, при совершении важного обряда обрезания волос у младенцев избирает для этого весьма часто христианина, который с той поры делается как самый близкий родственник семейства и даже имеет доступ в гарем, на женскую половину дома.

Вообще в племенах полузависимых, на вассальных правах состоящих, а тем более в маленьких республиках, обряды, совершаемые при разных церемониях, почти совершенно одинаковы как у мусульман, так и у христиан — католиков или православных. Свадебные обряды, несмотря на свою сложность, одни и те же у всех племен, за исключением молитвы и благословения священника, но его появление при этом, как служителя церкви, так мгновенно, совершаемое им таинство так мало похоже на наше венчанье, что вы едва замечаете его. Может быть, безразличие религиозных обрядов и служит главной причиною тому, что турки часто женятся на христианках, оставляя им полную свободу исповедовать свою веру. Христиане иногда женятся на мусульманках, но жены их, вообще равнодушные ко всему, не ознаком-

ленные с своею религией, обращаются большею частью в христианство, увлеченные примером всей семьи.

Главная отличительная черта свадебных обрядов — и она здесь обща всем племенам и исповеданиям — состоит в том, чтобы как можно возвысить ту жертву, которую приносит женщина, покидая свое семейство, расставаясь с своим девством: каких затейливых препятствий не придумано тут, чтобы отворотить или, по крайней мере, отдалить роковую минуту, и нужно действительно если не геройство, то силу или особую ловкость жениха и окружающих его, чтобы преодолеть все преграды.

Чистота здешних нравов и недоступность женщин могли бы привести к отчаянию европейского Дон-Жуана. Она доходит до фанатизма. Если бы какая женщина изменила долгу жены или девицы, то преступление ее клеймит всю семью, и притом в самом отдаленном потомстве, так что нередко молодые люди отказываются от богатой и красивой невесты потому только, что прабабка ее была неверна своему мужу.

Есть многие племена, где женщина и по выходе замуж может оставаться наедине с мужем только тайком, украдкой, если не хочет быть пристыженной при всех, где она не смеет даже говорить с ним при других и вообще должна казаться ему чужой, по крайней мере, до рождения первого ребенка. При таких условиях можно себе представить, с какими затруднениями сопряжены свидания новобрачных в большом и не достаточном семействе, где все уголки дома наполнены людьми. Это за-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

труднение свиданий, эта таинственность связи поддерживает и разжигает страсть до самой старости.

Но между тем, как вы ждете от меня полезных сведений, я заговорился о женщине, о любви и других отвлеченностях; обращаюсь к стране, по которой мы шли.

Округ Подгорицы, несмотря на значительное пространство земель, славящихся своим плодородием, едва насчитывает 18 000 жителей. Большая часть разбежалась от притеснений турок или в горы, или в соседственные независимые округа православного исповедания — в Черногорию, в Васовичи и далее.

Здесь край славится своим медом. Действительно, он необыкновенно ароматен и вкусен, или, может быть, казался нам таким, потому что нечего было больше есть. Воск, кожи, шерсть составляют единственное средство существования края. За них они получают грубые мануфактурные изделия от австрийцев, которые как в Подгорице, так и Скутари господствуют на рынках. В их руках почти вся здешняя торговля, простирающаяся от полутора до двух миллионов в год, считая провоз и вывоз товаров.

ГЛАВА X

Приезд в Подгорицу и первый здесь ночлег. — Переговоры с Омер-пашой об очищении Черногории от войск. — Личность Омер-паши. — Грахово. — Участь пленных граховлян. — Описание города и пребывание в нем. — Невыносимо бедственное положение страны, представляющей одну обширную тюрьму. — Опустошение и истязания. — Окончание переговоров с Омер-пашой. — Мы покидаем этот край вопля и общего отчаяния.

Переехав Зем по старинному, красивому каменному мосту, аркообразно переброшенному через реку, мы шли равниной, поросшей сорной травой и колючим кустарником, как это обыкновенно бывает на местах, некогда жилых. Несмотря на то что мы приближались к полю битвы, не слышно было выстрелов; дело в том, что гонцы, посланные нами из Каттаро в лагерь черногорский и из Скутари к Омер-паше, уже достигли своих назначений и остановили на время, до окончания переговоров, военные действия.

К вечеру мы приблизились к Подгорице и от высланных навстречу людей узнали, что Омер-паши еще нет в городе, но что его ждут в ту же ночь. Нам отвели, как говорили, лучший дом; но в этом доме только в одной комнате можно было жить, остальная часть состояла из чуланов, затхлых и сырых: кажется, здесь прежде хранился хлеб в зерне. В этой комнате, довольно, впрочем, просторной, разместились мы все на ночлег, за исключением, конечно, турок и прислуги. Трое нас предпочли спать на полу, а З. соблазнил стоявший вдоль всей стены оттоман, и он расположился на нем. Долго я ворочался с боку на бок. Усталость, волнение, кусанье всевозможных гадов, возившихся на нас и около нас, не давали покоя; наконец я начал было дремать, как вдруг услышал стоны. Сначала не мог я понять, во сне это или наяву; раскрываю глаза — и что же увидел перед собою? Длинную тощую фигуру, всю в белом, простиравшуюся от пола до потолка и, казалось, поддерживавшую своею головой потолок; при едва мерцающем свете ночника я не мог себе представить, что это такое! Но стоны, издаваемые фантастической фигурой, показывали, что она принадлежит человеческой породе.

— Кто тут? Что случилось? — спросил я.

— Это ни на что не похоже, это ад! — отвечал мне знакомый голос.

— Да что такое?

— Крысы, нет, не крысы... Это что-то небывалое, невиданное, какие-то чудовищные гады.

Тут только я вспомнил, что мой бедный З. не мог видеть крыс без какого-то нервического отвращения. Он стоял как вкопанный, не смея пошевелинуться, чтобы не наступить на крыс, которые действительно возились тут очень нецеремонно и вполне подтверждали предположение наше, что в доме был прежде склад хлеба. Как ни совестно мне было, но я не мог удержаться от смеха, глядя на полное отчаяния лицо З.

— Да, вам это нипочем, вы привыкли ко всему этому у себя... А у нас этого нигде не видано.

З., произнося эти слова в минуту гнева, конечно, сам не знал, сколько истины в них заключается; на любой станции у нас найдешь все то, что приводило его в отчаяние и ужас, — так как нам не привыкнуть ко всем этим гадам и насекомым!

— И есть люди, которые серьезно рассуждают о возможности преобразовать Турцию!

— Одно возможное здесь преобразование, — заметил З. с такой злостью, к которой он только был способен, — это выбросить из Турции всех турок с их чумой, крысами и гадами в Азию, пускай распложаются и терзают друг друга там и не заражают собою Европы.

Затем З., позвав человека, принялся затыкать чем ни попало все дыры, откуда, по его мнению, выходили крысы, хотя такую египетскую работу нельзя было кончить и к утру; а я, утешаемый мыслью, что такая ночь, конечно, не расположит нашего комиссара в пользу Омер-паши, уснул крепким сном.

На другой день надо было являться парадно к Омер-паше, мудиру, сераскиру, главнокомандующему всею Румелийскою армией, первому военному человеку в Турции. Особенно неприятна была эта церемония для австрийских офицеров. Что ни говорите о служебной необходимости, а тяжело являться к человеку, которого еще очень хорошо помнили в Далмации как унтер-офицера или нечто вроде кондуктора по чертежной части при инженерном капитане Кунцихе (Кунцих при нас был только майором), а потом в том же звании в Заре, откуда Омер-паша бежал, как говорят, по случаю растраты казенных денег; но почему бы то ни было, а бежал — и переменял веру! Еще бы Омер-паша, или Михаила Латос, как его звали в Австрии, каким-либо громким подвигом искупил проступки молодости. Он участвовал в войнах в Сирии, против друзов и курдов, и потом в 1851 году в Боснии и Герцеговине, где действительно очень ловко, силою денег, успел восстановить христиан против магометан и тем подавить восстание; но зато он ознаменовал себя здесь такими гонениями, к которым даже не всякий турок способен, надо быть для этого ренегатом.

Эту ловкость, умение вести интригу и действовать более золотом, чем мечом, он выказал и в начале войны против черногорцев. Он успел восстановить нахию Пипери против князя-владельца и посредством их вторгся в границы Черногории.

Описывая жизнь последнего владыки Черногории и начало правления нынешнего владетельного князя ее,

я рассказал подробно весь ход войны Омер-паши против Черногории, которую он обещал в течение нескольких дней подчинить турецкому владычеству. Борьба эта за независимость горсти народа, конечно, не может увеличить военной славы Омер-паши. Омер-паша двинулся в Черногорию с 15 000 регулярной пехоты, тремя эскадронами конницы, 18 000 албанцев и с 28 орудиями — и с этими силами ничего не мог сделать против народа, который после измены пиперян едва мог собрать 8000 человек, разметанных в разных концах своих границ, и, застигнутый врасплох, очень нуждался в порохе и свинце. Три месяца, с декабря до половины февраля, продержал Омер-паша свои войска в долинах, покрытых водой, где они болели и гибли сотнями, несмотря на терпение, с которым турки переносят всякого рода труды и лишения, и наконец принужден был силою обстоятельств отступить.

Омер-паша не говорит по-французски; но знает немного по-итальянски; немецкий и сербский языки ему одинаково родные; по-турецки он научился уже в Турции. Мы избрали для разговора с ним язык сербский, так как при переговорах присутствовал Осман-паша, генерал-губернатор скутарийский. Омер-паша вообще боялся возбудить подозрение турок; они и то глядели на него недружелюбно, не забывая его европейского происхождения и не доверяя его новым религиозным убеждениям, в которых он не слишком был крепок. В крайности, од-

нако, прибегали к немецкому языку, чтобы разъяснить какое-либо обстоятельство австрийским комиссарам, которые, в свою очередь, мало понимали по-сербски.

Противоположность между Омер-пашой и Осман-пашой была резкая, и не столько в наружности, сколько в приеме, и, надо сознаться, что в этом случае преимущество было не на стороне европейца.

Конечно, ни для кого не любопытны все наши переговоры, нередко прерываемые с тем, чтобы не возобновлять их вновь, и опять возобновляемые по поводу каких-либо уступок, и опять прекращаемые... Замечу только, что конечная цель наших требований состояла в совершенном очищении Черногории от неприятеля и возвращении захваченных турками нескольких человек черногорцев — одним словом, в восстановлении прежнего порядка вещей — *statu quo ante bellum*. Омер-паша наконец и соглашался на это; может быть, он даже доволен был, что борьба прекращалась так неожиданно, борьба, которой последствия и исход он не совсем хорошо предвидел. Но вопрос состоял в том, какие именно границы были у Черногории до начала войны; вопрос этот, как известно, возбуждался еще недавно и сопровождался теми же спорами, как и при нас, и может быть окончательно разрешен только при одном искрении стремлении, при возможности дать Черногории ее естественные границы, а не те, которые создают случайности войны или мира. Дело в том, что многие пограничные племена при первой возможности присоединяются к Черногории, куда

их влекут и предания исторические, и происхождение и вера, или складываются в отдельные республики и ведут постоянную войну с местными турецкими властями. Это то же, что движущиеся пески африканских пустынь: какая возможность определить сегодня, где стояла такая-то гряда холмов вчера и куда увлечет ее вихрь завтра?

Особенным спорным пунктом служили Грахово, которое Омер-паша не хотел очистить от своих войск, и тридцать человек пленных этого племени, которых он не хотел выдать как возмущившихся подданных султана и осуждал на все истязания турецкой казни.

Читатель, верно, припомнит, что такое Грахово? Это самое храброе племя во всей Черногории, Герцеговине и Албании, а следовательно, во всей Турции. Оно лежит между границ Черногории, Австрии и Герцеговины. Турки постоянно оспаривают владычество над ними то у черногорцев, то у самих жителей. Редкий год проходит без взаимных стычек; граховлянин, вверяя посев зерна земле, столько раз увлажненной кровью, должен потом отбивать у неприятеля свою жатву и, может быть, тут же сложить и свою голову.

Не далее как в 1835 и в 1843 годах турки покушались во что бы ни стало завоевать Грахово и напали на него в первый раз с 12 000, а во второй с 10 000 войска, но граховляне, которые в то время могли еще выставить до 800 человек в поле, засеяв в своих домах, служивших им жилищем и укреплением, отбивались в течение нескольких дней, пока не подоспели на помощь черногорцы. Тут пали лучшие люди края. От фамилии Даковича (Вуютчи-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ча) остался только Яков, воевода Грахова, семидесятилетний старик, храбрейший во всем крае, с маленьким сыном; человек двадцать остальных членов семейства погибли в различных битвах. Покойный владыка лишился здесь своего брата, пятнадцатилетнего юноши, надежды и любимца всех черногорцев, красавца собой и храбрейшего между ними, племянника и нескольких человек из своей фамилии. Граховское племя, которое за мою память выставляло 800 человек в поле, теперь уже не может поставить и 400!

Если граховляне в течение более столетия отстаивали с такими жертвоприношениями свою независимость, то, конечно, мы должны были в свою очередь употребить все усилия, чтобы спасти их от рабства. Особенно участь воеводы Даковича сокрушала нас. Мы знали, как содержались пленные в Турции, а их злейший враг, любимец страны, конечно, мог возбуждать не удивление героической защитой своего племени, но только жажду мести. Я уже рассказал когда-то, каким случаем этот несчастный старик попал в плен. Нам хотелось выручить его во чтобы ни стало скорее, тем более что с ним и его сыном, четырнадцатилетним мальчиком, прекращалась храбрейшая фамилия граховских воевод; Яков имел в глазах русских еще другой повод к сочувствию: он вместе с племенем своим, которого не был еще воеводой, дрался в рядах русских против французов, разделяя все случайности экспедиции адмирала Сенявина на Адриатическом море.

Грахово важно для Турции не только в военном отношении, но и потому, что через его земли пролегает торговый путь из Герцеговины в австрийские владения. Это последнее обстоятельство не менее значительно и для австрийцев, потому что главнейшие выгоды торговли принадлежат им, а не герцеговинцам. Поэтому-то они так завистливо смотрят на преобладание черногорцев над Граховом и всячески стараются распространить на него свое влияние. Тем не менее, однако, в этот раз австрийские комиссары действовали заодно со мною, несмотря на все старание разъединить нас... Общими усилиями достигли мы того, что Омер-паша принужден был очистить Грахово и согласиться на выдачу пленных граховлян, содержавшихся в Мостаре. Этот пункт внесен был в общие заключенные нами условия и послужил в прошлом году одним из оснований, по которым Грахово присоединено к Черногории.

Несмотря, однако, на такое письменное обязательство, бедный Яков Дакович и его товарищи были еще несколько времени предметом неприятной переписки между нами и Омер-пашой.

Наконец пленные, сопровождаемые двумя турецкими офицерами, явились к нам в Каттаро; но, увы, между ними не было воеводы Якова: старик не вынес своего заключения. В каком положении были прочие пленные, трудно передать словами. Одного вида их, не говорю уже рассказов о том, что претерпели они, достаточно было, чтобы поселить во всей стране ненависть к тем, кто

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

их довел до такого состояния, если бы это чувство не вкоренилось здесь прежде.

Сын Якова, единственный оставшийся в живых, несмотря на его молодость, назначен был воеводой Грахова, по общему желанию всего племени.

После обеда мы гуляли с Омер-пашой по городу. По улицам пусто, а между тем в городе 6500 жителей, из них тысячи четыре мусульман, остальные православные; но первые большею частью были в лагере, принужденные участвовать в войне, которой не желали, христиане же не смели показываться. Где-где разве, робко и прижимаясь к забору, промелькнет человек без оружия в темной одежде, резко отличавшейся от ярких цветов, которые в употреблении у мусульман.

Омер-паша, жалея, что не может нам доставить никакого развлечения в Подгорице, говорил, что тут даже нет цыганок. Цыганки — род египетских альме и индейских баядерок; их танцы исполнены сладострастия, которое иногда переходит в цинизм. Во многих городах Албании они составляют единственный предмет развлечения для пашей и богатых горожан и отвращения для деревенского населения.

Подгорица лежит недалеко от холма (Горица), от которого и получила свое название. Это главный город округа и местопребывание мудира (губернатора) и кади. Маленькая, чистая река Рыбница протекает через город и недалеко от него падает в Морачу. Город менее грязен, чем большая часть турецких городов; улицы узки,

дома разбросаны в беспорядке. Подгорица окружена полуразвалившейся стеной, которая соединяет ее с укреплением, возвышающимся на холме и окруженным валом; оно тоже в развалинах. Турция сказывается во всем и всюду.

За полчаса или несколько более от города виднелись развалины древней Диоклеи, Дуклы, как называют ее здесь теперь. Омер-паша, указывая мне на них, сказал в виде комплимента, что ему известно, что честь открытия их принадлежит мне и то, какими опасностями сопровождалось мое путешествие сюда. Это было 17 лет тому назад. Описание развалин Диоклеи помещено в моем путешествии по Черногории, изданной в 1841 году. Вся Подгорица выстроена из камней, взятых в Диоклее, вот почему здесь нередко поражает вид латинской надписи на камне, составляющем порог бедного дома или барельеф в углу его.

Вечером играла турецкая музыка одного из возвратившихся из лагеря батальонов. Омер-паша обратил внимание наше на марш, сочиненный, как он сказал, его женой. Жена его была тоже австрийская подданная и ренегатка; впоследствии нам говорили, что она умерла очень трагически. Омер-паша любил рассказывать о своем пребывании в Бухаресте, где он был комиссаром вместе с русским генералом Дюгамелем. Бухарест, по его словам, город веселья по преимуществу, исполнен в его воспоминаниях самыми скандальными историями. Турок, принимающий европейские манеры и, как водится,

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

не усвоивший европейского образования, на меня производит то же впечатление, как дурная собой старая женщина, которая имеет претензию нравиться.

Несмотря на значительность православного населения, в Подгорице нет церкви. За городом на Горице стояла церковь, устроенная из развалин очень старинного и всеми чтимого храма во имя Св. Георгия: но в 1855 году, когда фанатизм в здешнем крае производил ужасы, достойные других времен, сам губернатор Подгорицы, столь известный своим зверством Али-спаги, с толпою мусульман напал на церковь, взял ее с бою, разрушил до основания, перебил всех людей, запершихся в ней, не удовольствовался этим — разрыл кладбища, огрубил головы у мертвых тел и разослал их по всем окрестностям, приказав выставить у въездов в деревни. наших агентов в крае еще не было, да и самые дипломатические сношения с Турцией были прерваны; другие европейские консулы едва заметили это происшествие: в то время православное население, где бы ни было и каких бы убеждений ни держалось, было враждебным в глазах европейцев. Впоследствии дело это было поднято, но требовать правосудия у турок — значит требовать, чтобы течение реки обратилось вверх к своему источнику, и Али-спаги покойно остается губернатором в Подгорице на пагубу всего христианского населения.

Какое невыносимое тяжкое чувство давит грудь здесь, в этой прекрасной и богатой стране, под этим небом ясно-лазоревым даже теперь, в конце февраля меся-

ца. Каждый думает только о том, чтобы уберечь свою жизнь на лишней день, чтобы припасти себе пищу хотя на завтра; слова громкого не услышится; песня, эта песня, где сохранены все народные предания и верования, так же как и молитва, схоронены в глубине души, чтобы кто-нибудь не проведал, что они не совсем забыты. Не только о развитии умственных способностей, о развитии труда нет и помину. Никто не умеет читать, даже редкие священники знают грамоту; никакое знание, никакое ремесло здесь недоступно, мать ничему не может учить своих детей, одну вражду и месть к своим притеснителям передает она им. А сколько сил физических и умственных накопилось в этом народе! Когда после необыкновенных усилий успели наконец исторгнуть разрешение турок на учреждение женской школы в Сараево, то не долее как через год все присутствовавшие на экзамене — а тут присутствовали все европейские консулы и духовенство различных исповеданий, — все одинаково были поражены необыкновенными успехами детей, взятых в школу из их полудикого существования. И какие искренние молитвы произносятся здесь за Ту, которая даровала средство образовывать эту школу и поддерживать ее.

В округе Подгорицы и думать нечего устроить что-нибудь. Одни развалины видны здесь повсюду! Только для нашего проезда сняты были человеческие головы с высоких шестов, на которых торчали они, но запекшаяся кровь еще виднелась на шестах!.. Скорее отсюда! Сердце изныло болью при виде этого общего тюремно-

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

го, гробового заключения страны, при виде этих болезненно покорных, безропотных лиц, при виде необузданного насилия, забвения всех прав народных, пренебрежения всех условий человеческого существования!.. К счастью, нам удалось покончить с Омер-пашой, в чем, конечно, много помогли дипломатические переговоры, которые в то же время велись в Константинополе, и вначале велись с успехом для нас. Австрийские офицеры, так же как и мы, стремились вырваться скорее из этого злополучного края, а каково же тем, которые осуждены в нем жить навсегда!

ГЛАВА XI

*Последняя поездка в Черногорию и окрестные земли,
и последнее о них слово.*

Менее чем через год вернулся я сюда, но уже совсем при других обстоятельствах. Война гремела на Дунае. Европа шла против нас, Австрия вооружалась. Австрийские власти смотрели на меня подозрительно, турецкие... но я уже более не справлялся об них! Западная часть Турции от княжества Сербского до королевства Греческого подымалась из-под тяжкого гнета.

Бывают в народе минуты торжественные, когда он, проникнутый сознанием собственного общечеловеческого достоинства, без всякого двигателя, без всякой особенной побудительной причины, без предварительного между собою соглашения, встает как один человек... В этом случае его стремления, его удары бывают всеограшительны; но нужна разумная воля, которая бы направила эти стремления, которая бы соединила все эти разнохарактерные массы народа, все благородные порывы его и направила к одной цели; цель эту хотя и сознает

каждый из действующих лиц, но часто стремится к ней различными путями.

Историки обыкновенно поясняют подобные события каким-нибудь частным случаем, появлением на поле действий какой-нибудь личности, политической необходимостью, враждебным столкновением интересов и т. д. Между тем как все это есть только неизбежное проявление общего состояния духа народа, выраженное в той или другой форме, вызванное самими обстоятельствами.

Я видел вблизи подобное явление. Вся Фессалия, часть Македонии, Боснии, Герцеговины, Албания взволновались. Народ глухо зашумел, как море перед бурей, и буря разразилась внезапно, когда менее всего ее ожидали, когда самый народ не был приготовлен к ней. Только тогда, когда надо было драться, увидели, что не было ни пороху, ни свинцу, и на первых порах дрались чем ни попало, повсюду одерживая верх над неприятелем — так силен был порыв народа, такой панический страх объял турок.

Вот в какой форме первоначально выразилось это восстание. В конце января 1854 года жители местечка Радовицы, измученные, подобно другим, мусульманами, взялись за оружие, перебили часть турок, другую выгнали и объявили себя свободными. Подобные происшествия повторяются часто в Турции, но остаются изолированными, без последствий, не так было тогда при общем настроении народа. Радовичане издали следующую прокламацию:

«Мы, жители Артской области, тяжко порабощенные, обремененные непомерными налогами, терпящие от диких варваров-турок насилия всякого рода и даже посягательство на честь наших дочерей и сестер, обещаем продолжать общую войну, начатую в 1821 году, и клянемся именем Бога и священного отечества, что не положим навсегда оружия, пока не искупим свою свободу. Мы уверены, что к нам пристанут как освобожденные уже греки, так и те, которые несут еще иго турок, чтобы сражаться за веру и отечество. Эта борьба, как и прежняя, будет борьбой святою, справедливою, основанною на народном праве, и потому никто не осудит нашего дела. Итак, братья, в наш общий бой! За оружие! Долой цепи варварского владычества! Покажите всему миру, что вы сражаетесь за веру и отечество! Господь — защитник христиан!»

На следующий день к радовичанам присоединились уже все, куда успел достигнуть их голос: Сули, Ламара, Кампоты, Зоамерка и другие соседственные деревни стали в ряды восстания — и полилось оно во все края!

Напрасно будут утверждать, что восстание вспыхнуло от внешних побуждений и поддерживалось иноземною политикою. Ничуть не бывало! Политика, конечно, могла бы им воспользоваться, но не умела или не хотела по причинам, которые объяснит история. Один греческий двор еще некоторое время выражал сочувствие общему делу христианства, но скоро и это внешнее проявление было подавлено наплывом иностранных войск в королевстве. Только частные люди пришли на помощь

своих братьев по вере или по происхождению, и эти люди были большею частью греки — отдадим им полную справедливость. Все, что было лучшего в Афинах, отправилось с оружием в руках в Артскую область: генерал Цавелли, бывший некогда президентом совета министров, Гривас, Хаджи-Петро, сын знаменитого Боцари, и пр. Другие, видя ясно, в какую бездну ринулись эти защитники прав человечества, не имея никаких средств выдержать предстоявшую продолжительную борьбу, кинулись во все концы Европы искать поддержки правого дела. Не от правительств ожидали они помощи; политики этих государств отвечали бы им, что они должны слушать голос рассудка, а не сердца, и, может быть, в видах тяжелой необходимости и в силу того же рассудка посадили бы ни в тюрьму. Не знаю, может ли какой-либо рассудок в мире терпеть и даже поддерживать насилие и не знающий пределов фанатизм, преследующий и умерщвляющий все, что не поддается его влиянию, в виду и как бы в посмеяние всему христианскому миру. К благотворительности народной обратились ревнители народного дела и в несколько дней собрали в нескольких столицах более миллиона франков.

Нужно было всю изобретательность грека и всю отвагу славянина, чтобы провезти купленные на эти деньги порох и оружие в Албанию, несмотря на всю бдительность неприятельских судов и береговой стражи, предуведомленной о контрабанде.

Повторяю, не ищите причин внешних этого восстания. Народ поднялся в одно время и одною душою, по-

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

тому что в душе накипели вражда и ненависть до невозможности долее терпеть, потому что насилия раскаленным железом коснулось обнаженных костей каждого.

Война за освобождение юго-западных провинций Турции представляет подвиги самоотвержения и героизма изумительные, подобные разве тем, которые встречались за освобождение Греческого королевства, и удивительно, как до сих пор ни один из очевидцев не передал этого эпизода войны за независимость. Народы приобрели бы несколько блестящих страниц в похвалу свою. Это было бы дело афинских греков — участников в войне. Славяне сложили несколько песен про битвы того времени и тем покончили свой литературный труд: до того ли им бедным теперь! Русскому не приходится писать об ней.

В редкие минуты, когда душа просится наружу, случалось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события этой войны. Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, — тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы, полные простоты и всеокрушающей силы духа, и потребуют отчета у людей, принесших их в жертву каких-то мнимых политических расчетов...

Оглавление

Глава I	3
Глава II	18
Глава III	33
Глава IV	45
Глава V	59
Глава VI	77
Глава VII	87
Глава VIII	101
Глава IX	113
Глава X	128
Глава XI	142